

Вячеслав ЯДАГАНОВ

ОСВОЛЪМ

От автора

Первой моей учительницей была Воронцова Тамара Ивановна.

Приехала в Улаган в 1966 году, учила нас с 1 по 4 класс. Мы у ней были тоже первыми, первыми учениками. Она научила нас писать и читать. Чтение потом для меня стало главным увлечением. Полюбил стихи. Тамара Ивановна учила, как выразительно читать, где повысить голос, где понизить. У нее в личной библиотеке были сборники стихов, она давала их почитать. Многие в то время увлекались стихами, по всей стране еще гремели «шестидесятники»: Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Р. Рождественский, другие.

Я любил писать сочинения. Тамара Ивановна подробно разбирала их со мной, учила, как их писать, как показать главное, чтобы интересно было читать. Конечно, это были первые своего рода рассказы.

У нее были свои, иногда неожиданные методы педагогики. Например, можно ли сегодня представить, чтобы ученики рисовали в тетради по литературе. А мы рисовали, Тамара Ивановна сама требовала, чтобы мы нарисовали то, о чем прочитали. Уроки рисования – само собой, были и альбомы, это не из-за отсутствия их. Просто когда ребенок тут же старается изобразить в рисунке прочитанное, глубже понимает его смысл. Понимаешь это позже.

Однажды она спросила меня: «Ты стихи не пишешь?». Я удивился: как я могу писать стихи, ведь это делают великие писатели – Пушкин, Маяковский.

– Попробуй, у тебя должно получиться.

Стихи я стал писать позже, когда поехал учиться в город. Подражал поэтам, Маяковскому, например. Писал «лесенкой». Вспоминал Тамару Ивановну.

– Представь, ты идешь по лесенке. Каждая строчка – ступенька. Это слово громко нужно говорить, вверх по ступеньке, а следующее, наоборот, тише, по ступеньке вниз.

Она учила нас быть честными, добросовестными, всегда держать слово, если дал. Отстаивать свое мнение.

Но жизнь проживаешь, как по лесенке идешь. То вверх она ведет, то вниз.

Что-то у нас по жизни получалось, что-то нет.

Волчица

(песня)

Который день, который час
П За ней погоня.
Р И приближают смертный час
И Собаки, кони.
П Внизу скала, бурлит река,
Е Там нету брода,
В Погибель там наверняка,
Но там – свобода!

А люди умные, они следили, и нашли их логово –
Нору волчицы и троих её щенков.
И не смогла врагов пустить по следу ложному,
Оставив двух волчат на растерзание трусливых псов.

ПРИПЕВ

И вот теперь она с простреленною шею
Едва ползет. И жметя к ней волчонок третий,
Дрожит от страха, пуль, умом не ведает
За что же так хотят их смерти люди эти.

ПРИПЕВ

Да, может, можно сохранить последнего волчонка,
Оставить людям, может, не убьют, а выкормят его.
Но затрещали кости вдруг, как доски хрупкого бочонка,
Волчица вниз, волчонок в пасти.

Или, что осталось от него.

Который день, который час
За ней погоня.
И приближают смертный час
Собаки, кони.
Внизу скала, бурлит река,
Там нету брода,
Погибель там наверняка,
Но там – свобода!

ЧАПАЙ

Был у нас в деревне печник. Звали его «Чапай». Он был лет сорока – сорока-пяти. Чуть выше среднего роста, с длинными руками с широкими ладонями. Пальцы у него были натруженными, в садинах, под толстым слоем ногтей всегда были остатки глины и песка. Как его звали, как фамилия, никто не знал. Да и зачем, кто не знает печника Чапая. Прозвали его так за усы, они были скручены, как у Чапаева. Чтобы его найти, нужно сходить к тому, кому он печь в последний раз клал. Если его там нет, могут сказать, где он может быть. На него была очередь, он точно распределял, кому, когда он будет печь класть.

Мне тоже нужно было поставить печь в квартире нового двухквартирного дома, которую выделила администрация. Председатель райисполкома, когда я пожаловался на отсутствие жилья, говорит: «Но ты и бессовестный, целый начальник строительного отдела, а ходишь, у меня квартиру просишь. Вот на улице Пограничной два двухквартирника стоят. Но они не достроены. Осталось достроить малость. В общем, вот этот, с краю, тебе. Достраивай и живи».

С листочком бумаги, на котором он нарисовал схему домов, я пошел их искать. Нашел. На домах были срубы под крышей, но не было пола, печки, перегородок.

Целое лето «целый» начальник строительного отдела, 21 года от роду, вечерами работал на своей будущей квартире. Утепил завалинки изнутри, постелил полы, сколотил перегородки. Осталось печь выложить. Я нашел Чапая. А он был занят, ему нужно было сложить еще несколько печей. А после каждой выложенной печи он от-

дыхал. Отдых был своеобразный: на заработанные деньги он набирал водки и два-три дня устраивал праздник себе и друзьям, которых оказывалось в этот момент очень много.

Он меня записал в свою записную книжку, назвал примерную дату, когда он у меня начнет работать. Получалось, где-то через месяц. А за это время я должен был приготовить материалы, которые он написал на листочке: глину, песок, трубу найти, духовку, печные приборы.

И вот настал день, когда он появился у меня на доме. Лицо у него было опухшим, усы вяло спали вниз, он был раздражен. Подошел к куче глины, взял в руки, помял, то же самое сделал с песком.

– Песок не пойдет. Ты где его брал, ёк-макарёк?

Вторым его именем было «Макарёк». Именно за эту приставку «ёк-макарёк» почти после каждого предложения.

– На правом берегу.

– На левом надо брать. И рукой грузить надо, не экскаватором, ёк-макарёк. Похмелиться есть?

– Есть дома, полбутылки водки.

– Тащи, ёк-макарёк.

Работать мы начали только на следующий день. Завозил другой песок, искал корыто, чтобы глину месить. Чапай вытащил десятирублевую бумажку, послал за коньяком. А коньяк ведь надо чем-то закусывать, принес ему и еды. К еде он не притронулся, только отломил кусок хлеба, налил полстакана коньяку, выпил залпом, немного переждал, понюхал хлеб.

Он долго размечал, как выложить первый ряд.

– Чтобы в доме было тепло, нужно пламя сперва пустить по низу, «теплый пол», называется.

Каждое свое действие он сопровождал словами, получалось как лекция.

– Сейчас нужно определить, сколько нужно кирпичей по длине и ширине. Кирпичи у тебя неважные, ёк-макарёк, но выбора нет, так как других у тебя нет. Раствор делаем для кладки один к трем, одна лопата песка, три лопаты глины, а на штукатурку, наоборот, три песка, одна глины. Ряда три-четыре выложил, раствором под штукатурку нужно обмазать изнутри, чтобы не было щелей между кирпичами, ёк-макарёк.

И он голыми руками брал готовый раствор, и долго мазал стены будущей печки с внутренней стороны. Я не видел, чтобы он работал в верхонках, и лопату брал, и кирпичи натруженными, в царапинах и ссадинах руками. Подбрасывал, переворачивая кирпичи, рассматривая их, смахивал своей ладонью кирпичную пыль и на ходу рассказывал, почему этот кирпич нужно «ложить» нужной стороной к пламени.

– Вот эта сторона пережжена, вишь, треснула, и цвет другой, а вторая ничего, вот эту сторону и ложим внутрь, к пламени. Понял, ёк-макарёк?

У меня была корочка каменщика 3 разряда, до армии получил, сдал экзамены, когда работал на стройке. Мне было интересно его слушать, с чем-то я не соглашался. Он не спорил.

– Да, ты прав, на ребро кирпич ложить нельзя, но мы живем в Сибири, ёк-макарёк, положишь стенку печи кирпичами плашмя, когда она прогреется. Выложил один плашмя, пришлось мне перекладывать. Да, надо плашмя, как в книжках про печки. Но жизнь она другая. Или еще: грамотеи-печники хвастаются, что выкладывают по пять, а то и по семь оборотов. Думают, чем больше оборотов, тем теплее будет. Фигушки, ёк-макарёк! Вот они выложат черт знает, сколько оборотов, а дымоход-то узкий получится. Через полгода забьется сажей и золой, начнет дымить. А то и с самого начала не будет хорошо топиться.

Вот я тебе сделаю в три оборота, и хорош. Еще теплый пол, и будет тепло в доме, ёк-макарёк.

Мы устанавливали духовку, плиту, Чапай прилаживал жезь к стене печи, полку над плитой, все говорил и говорил. Так как я был еще молодым пареньком, слушатель из меня был неплохой. Я мало перебивал, слушал и слушал.

– У тебя будут ребятишки маленькие, чтобы они печь не пачкали, нужно закрыть жезью, чтобы постоянно не белить. Над плитой тебе сделаю полку, чтобы можно было сушить обувь. Духовку нам нужно поставить как можно ниже, чтобы тепло было на полу, ёк-макарёк.

Работа продвигалась, в основном с помощью коньяка. Каждый день, утром, я должен был приносить ему бутылку коньяка. Когда у него кончились деньги, он коротко бросил: «В счет оплаты». Когда я у него спросил, почему он пьет только коньяк, он долго молчал, потом начал рассказывать.

– А что я должен пить? Знаешь, кто мой отец? Герой Советского Союза Никитин Иван Николаевич, ёк-макарёк. В Барнауле в честь моего отца улица названа. Ты говорил, жил в Барнауле, не знал такой улицы?

– Да я на эту улицу в баню ходил, жили мы рядом, в переулке Промышленном.

– И не знаешь, в честь кого названа Никитинская улица?

– Нет, не знаю.

– Вот молодежь, ничего не знает, ёк-макарёк. Лет пять назад на этой улице мемориальную доску открывали, в честь отца. Меня искали, пока нашли, мероприятие прошло. Родственников-то нет, только я. Мать давно померла. Конечно, обидно, что меня никто не знает. Но, а что меня знать? Герой-то он, а не я. Я герой среди ваших алкашей, и то, если деньги есть. Вот такие дела, ёк-макарёк.

Я долго не мог прийти в себя. Сын Героя, живет у нас. Работает печником!

– Даже не верится, а как вы у нас оказались?

– История долгая, а на счет не верится...

Он достал паспорт. Показал мне. Фотография красивого человека. Никитин Василий Иванович, 1939 года рождения. В паспорте старая фотография военного, на обороте надпись: «Никитин И.Н., 1943 г. Маше, сыну Васе, на вечную память».

– А я думал, у вас фамилия другая.

– Макарюк? Да, это отдельная смешная история. Выложил я несколько печей в комхозе. Пришел деньги получать. А в кассе нет меня в списках. Я хай поднял, ёк-макарёк, начальник бухгалтера вызывает, просит объяснений. Бухгалтер говорит, что все начислено, бумаги притащила. Сует мне под нос, вот, говорит, вы тут есть, столько-то денег. Я говорю: «Так эта не моя фамилия».

– Как не ваша? Ваша же фамилия Макарюк?

Я долго хохотал. Они думали, что если меня зовут «Макарек», то это моя фамилия. Я говорю: «Меня еще «Чапаем» зовут. Почему Чапаевым в ведомости не написали?». Сказал им, что они матерщинники, потому что «ёк-макарёк» на тюркском матерщинное слово, значит, они в документах матерки пишут.

– Но деньги я получил, ёк-макарёк.

Печь была выложена, осталось вывести трубу. Выпилили проем, оказалось, что труба будет упираться в стропило. Мой печник стал материться, швырнул лопату.

– Ладно, будем уводить в сторону.

И он ряд за рядом ступеньками стал уводить трубу в нужном направлении.

Решили передохнуть. Василий Иванович, Чапай и Макарёк в одном лице выпили коньяк. Как всегда, он рассказывал. Про свою жизнь, про печки, про друзей.

Вдруг что-то загромыхало, полетели куски раствора, кирпичи. Мы вскочили, подбежали к печке. Оказывается, труба, которую он отводил в сторону, под своей тяжестью просто-напросто свалилась. Чапай ничего не сказал, вернулся к коньяку, налил, выпил и завалился спать.

Следующий целый день ушел на укрепление стропила, в которое упиралась труба. Его нужно было укрепить с двух сторон к соседним стропилам, отпилить кусок стропила, чтобы труба могла выйти через крышу прямо.

Наконец работа была закончена, печь оштукатурена, труба выведена. Я принес немного дров, Чапай затопил печь. Огонь не хотел разгораться, не было тяги, печь немного подымила, но затем огонь разгорелся, из трубы повалил густой дым. Работа была сделана.

Чапая я потом видел раза два или три. При последней встрече он сильно кашлял, говорил, что простыл, когда в холод печь ложил. Больше я его не видел, может, уехал.

Печь его служила долго, не дымила. Может быть, и до сих пор стоит, дом мы продали.

Лет, наверное, через десять, как исчез Чапай, был я как-то в командировке в Барнауле. Было свободное время, я ходил до краевой библиотеки. Говорю: «Хочу узнать побольше про улицу Никитина, которая названа в честь Героя Советского Союза Никитина Ивана Николаевича, я знал его сына». Молодая девушка велела подождать, и ушла искать нужную литературу. Через некоторое время она вернулась.

Из библиотеки я шел в таком же состоянии, в котором был, когда узнал, что Чапай – сын Героя.

Оказалось, что улица Никитина названа в честь какого-то писателя или поэта, который умер более ста лет назад...

СТАРЫЙ ВОРОН

Прилетев с очередной веточкой в клюве, ворон решил отдохнуть. Воронихи все не было. Он знал, что она улета-ла очень далеко, поблизости уже не было хороших веточек. А ворон далеко улетать не мог, он был стар и болен. Вот уже целое лето и начало зимы они сооружали гнездо, в день по несколько веточек. Дело продвигалось плохо. Лето уже закончилось, а гнездо все еще не было готово. А это была у них уже третья попытка за последние три лета и две зимы.

В первый раз, когда гнездо было готово наполовину, сильная метель, которая продолжалась три дня, разнесла их строение так, что потом удалось найти только несколько веток, остальные исчезли вместе с ветром со снегом.

Во второй раз и гнездо было готово, и яйца ворониха снесла и начала высидывать. Но гнездо пронюхал песец и однажды напал на них. Это была страшная битва. Схватив зубами ворониху, песец стал трепать ее. Ворон бесстрашно кинулся на помощь. Подлетев к песцу, он стал бить его лапами и крыльями по морде. Песец отпустил ворониху, и набросился на ворона. Вцепился зубами в крыло и начал катать его по снегу. Ворон сопротивлялся, как мог, но силы были неравны, в какой-то момент песец уже смог сменить хватку, и теперь в пасти песца было не крыло, а шея ворона. Ворону не стало хватать воздуха, он уже не мог двигаться. И в этот момент на помощь пришла ворониха. Она набросилась на песца, вцепилась лапами в его морду и стала наносить удары клювом по глазам песца. Песец отпустил ворона, отпрыгнул назад и какое-то время не мог видеть: несколько ударов все-таки

пришлись точно по его глазам. Потом пришел в себя, увидел на снегу неподвижное тело ворона, побежал к нему. Но на его пути снова оказалась ворониха, на лету больно ударившая крыльями по голове. Песец замешкался, а лежащий ворон уже пришел в себя, сделал несколько шагов, прихрамывая, взмахнул крыльями и, хотя одно крыло было сильно покусано, взлетел в воздух. А песец и не гнался за ним, он поспешил к гнезду.

Когда ворон с воронихой дождались, пока песец убежится восвояси, и вернулись к гнезду, их ждало жалкое зрелище: гнезда не было, была только куча разбросанных веток, а от яиц, которые высиживала ворониха, осталось только несколько крошек от скорлупы.

В третий раз ворон решил вить гнездо где-нибудь повыше. Он помнил, что когда был молодым и сильным, он жил далеко, где было много деревьев, было длинное лето и теплая зима. Он смело сооружал со своей подругой гнезда на самых высоких деревьях, и другие вороны не могли быть опасны: он мог дать отпор всем. Но годы шли, и с каждым годом все труднее и труднее стало защищать свое гнездо, сил становилось меньше, а вчерашние воронята становились сильными и крепкими воронами, которые уже не боялись его. Он все больше проигрывал схваток с ними, его с воронихой сгоняли с их же гнезда, и они вынуждены были улетать подальше, где сильных ворон было меньше.

И через какое-то время они оказались далеко-далеко от родных мест, где было очень короткое лето и почти все время зима с ее вечными ветрами, снегами и бескрайней снежной пустыней. Но и тут они недолго видели покой. Появились люди, неприятно день и ночь шумели и стучали чем-то, туда-сюда проносилось что-то очень большое, страшное и вонючее, ломая под собой кусты, обдирая землю, разрушая гнезда. Потом они исчезли. Поблизости деревьев не было, и ворон стал присматриваться к тому, что они оставили после себя. Это было похоже на дерево,

но не дерево, на жилище людей тоже не было похоже, там они не жили. Они с воронихой несколько дней приглядывались к нему, и потом было решено соорудить гнездо прямо на нем: песец не достанет.

И они принялись за работу. Сейчас ворон знал, что работы еще много, нужно торопиться: после драки с песцом ему становилось все хуже и хуже. Когда они достроят гнездо, ворониха снесет яйца, потом будет сидеть на них, а он будет искать корм, подменивая ее время от времени. А потом вылупятся их детеныши, их нужно будет постоянно кормить, таких маленьких и шумных, он каждого будет различать по голосу, будет чистить им перышки. Кто бы знал, как он ждет этого момента. От таких мыслей тело старого ворона расслабилось, он прикрыл глаза и задремал...

Летучка у нефтяников начиналась, как обычно, с матерков. Материли Петю, мастера с пятнадцатой бригады. «Почему, мать-перемать, ты до сих пор не вскрыл резервную скважину на пятом участке, стране нефть нужна, ты это понимаешь, – разорялся начальник участка, – я тебе еще три дня назад это говорил, почему не исполнил?».

– Да не успевает бригада, да еще авария произошла на седьмой линии, вчера подъехали к пятому участку, хотели уже начать работать, нам звонят: авария на седьмом, снова все сгрузили, и туда. Да, Николай Иванович, там прямо на трубе вороны гнездо свили, и птенцы уже вывелись. Что делать?

Начальник участка взорвался: «Ты что, дурак? Какое гнездо, какие вороны! Нет, ты debil настоящий. Раскидывай к чертовой матери эти гнезда, вороны гнезда свили! Кто их просил гнезда вить? Чтобы завтра же подключить скважину на пятом. Стране нужна нефть!».

На следующий день ранним утром бригада нефтяников на нескольких машинах направилась на пятый участок...

Май 2016 г., Север.

БАБУШКА

Ей было 82 года, когда она умерла. Угорела. Она жила отдельно от нас, рядом с нашим домом. С братом Сашей мы ей срубили небольшую избушку, она сама хотела жить отдельно. Я, говорит, курю, а у вас маленькие дети, да и ночами не сплю, вам буду мешать. Я приносил ей воду с речки, заносил дрова, она потихоньку с костылем ходила по избушке, топила печку, ставила себе чай. В тот день, как обычно, в обеденный перерыв я заскочил к ней. Она лежала на кровати, но как-то неестественно. Я подошел, тронул ее, голова податливо скатилась с подушки, с руки упала трубка. Она было без сознания, я стал ее тормошить, но она не дышала. Мы позвонили в скорую, пока она ехала, я сидел рядом. Руки у нее еще были теплыми, я их гладил. Тут я почувствовал, что у меня кружится голова. Я сразу посмотрел на печку. Труба была закрыта. Когда я открыл дверцу печки, дров там не было, но печка была горячая. Ясно, трубу она закрыла рано, эта вечная привычка стариков на всем экономить. Я открыл трубу, дверь избушки, сам вышел на улицу, надо было, чтобы угарный газ вышел из избушки.

В день похорон гроб никак не хотел пролезать через дверь, заносили, видно, боком, и не подумали, что выносить уже прямо надо, с телом. Бабки шептались, что уходить не хочет, рано померла. Действительно, несмотря на возраст, бабушка была еще крепкой. Большинство зубов у нее были целы, до последнего времени она вдевала нитку в иголку. Беспокоили ее только суставы ног. Даже летом она ходила в теплой обуви, колени были обернуты

шкуркой ягненка, и она их все время поглаживала. Когда я еще учился в школе, в городе, привозил ей мазь из змеино-го яда, вонючую такую, она помогала. Еще на зимние каникулы я привозил ей табак, листовой. Специально из высланных матерью десяти рублей на дорогу один рубль я откладывал на табак бабушке. Она любила курить, у ней были трубка и кисет, их она постоянно искала. Как-то мы всем домом ищем ее трубку, с ног сбились, все перевернули, найти не можем, а оказалось, трубка у ней во рту. Не выпуская изо рта трубку, она умудряется что-то говорить, рукой поправлять трубку и искать дальше.

Она много рассказывала, она любила рассказывать. Объясняла, почему на пороге нельзя сидеть, почему ногти нельзя стричь при старой луне, и многое другое. Но я не любил слушать. Мало ли делов, то в футбол нужно идти с пацанами играть, то на речку бежать. И только когда вечером я усаживался делать уроки, у ней была возможность мне что-то рассказать. Но и тут я отмахивался: уроки надо учить, она тут со своими рассказами.

И сейчас, когда прошло более пятидесяти лет, слушал бы и слушал ее, о многом бы спрашивал. Но поздно. И приходится стараться искать и искать в уголочках своей памяти ее воспоминания. Но находятся только кусочки, обрывки ее рассказов.

– В детстве меня крестили, нарекли Ольгой. Мы жили большой семьей, детей тогда было много. Их много рождалось, много и умирало. Летом жили в одном месте, зимой в другом. Летом было хорошо, мы уезжали далеко в горы, пасли скот. За овечками нужно было ходить целый день. Насыпают родители ячменного зерна в торбочку – и до вечера с овечками. Обуви не было, пойдет дождь, так по грязи босиком и шлепаешь. Ноги замерзнут, станешь на камень с углублением, пописаешь туда, ноги погреешь и бежишь за овечками. Оттого и суставы теперь болят.

Мы держали много коров, доили, ставили айрак, гнали арачку. Это мне нравилось. В такой день отец был в приподнятом настроении, шутил. Я с братьями таскала воду, дрова. Посреди аила стоял чуурым на большом казане, в котором кипел айрак, на чуурыме небольшой казан с холодной водой, ее нужно было постоянно менять, так как она быстро нагревалась, а за холодной водой нужно было бежать на речку. Из чуурыма торчал деревянный желобок, по которому стекала арачка в какую-нибудь посудину. Отец постоянно пробовал и подсказывал, когда огня добавить, когда поторопиться сменить горячую воду. Отца звали Мухлай. Тоже крещеный. Тогда многих крестили, ходили по стоянкам и крестили, давали русские имена. А мы их на свой лад. «Мухлай» – это Николай, а меня звали «Олика», Ольга, значит. Отец откуда-то приехал, не улаганский он. И женился на вдове, Деспей звали, это мать моя. Она была замужем за другим мужчиной, Ухан звали. Он умер, у него было четверо сыновей, один из них Абрам. У Абрама было много детей, одного из сыновей зовут Аркадий, дядя твой, ты с его сыном играешь, Толиком. Другой сын Абрама – Роман, тоже твой дядя, отец Юры, Вити Ухановых. С Витей ты в городе учишься.

У моего отца с матерью тоже было много детей. Очень часто дети умирали. От болезней, от холода зимой. Зимой мы жили в аилах. Мне казалось, что я зимой все время мерзла, как вспомню, что зима скоро, сразу холодно становится. Зимой нужно было всю ночь поддерживать огонь посреди аила. Маленьких ребятишек держали в ямах около огня, чтобы тепло было.

Мать рано умерла: болела долго. Учила меня выделывать шкуру, шить обувь, одежду. Летом мы готовили сено. Тогда косилок не было, литовок не было. Рвали руками, скручивали и сушили на деревьях. Они так и оставались на деревьях до зимы. И зимой потихоньку ими подкарм-

ливали. Но в основном скот сам находил корм под снегом, или ел кустарники и хвою деревьев.

Отец был высоким и худощавым. Домашние дела его не очень заботили, все держалось на матери. Когда мать умерла, все хозяйство на мне было. Нас, ребяташек, отец не очень ругал, да и не баловал сильно. Подопьет, начинает в рифму говорить. «Мухлайдын сѣзи мун сѣске турар» – «слово мое тысячи слов других стоит». Тоже любил рассказывать, но откуда он пришел, где жил, я не слышала, чтобы говорил.

В это время происходили какие-то изменения: революция, белые, красные. Приходили какие-то люди, рассказывали про колхозы, заставляли ехать в одно место, где село будет. Отец категорически отказался куда-то ехать, родственников тоже отговаривал.

Но однажды нагрянули люди в формах, наш скот пересчитали, отобрали, а нас повели. Сперва мы шли пешком, одно село, второе, потом везли на машине два дня. Привезли в Ойрот-Туру, город, где ты учишься теперь, Горно-Алтайск. Там были большие дома, много людей. За городом село, Кызыл-Озек. Нас увезли туда, держали в каменных домах с решетками. Мы узнали, что здесь людей бьют, убивают. У всех нас что-то спрашивали, я ничего не понимала. Несмотря на то, что я была взрослая, я не умела писать и читать. А нас заставляли расписываться. Был какой-то переводчик, он вроде бы говорил по-алтайски, но я все равно не понимала. Били и заставляли что-то подписывать. Я не умела, крестики ставила. Потом нас повезли дальше. Из своих родственников со мной уже никого не было, ни отца, ни братьев. Я так и не знаю, остались ли мой отец и другие родственники в Кызыл-Озек или их увезли дальше. Говорили, что многих уже расстреляли. Да мы и сами слышали ночами, как людей били, а на улице слышались крики и выстрелы.

Привезли нас в еще бóльший город, Дьаш-Тура назывался, теперь это Бийск. Людей еще больше, все плачут, некоторых отбирают и отправляют дальше. Все это время у нас была мысль-бежать. Отец, когда был рядом, очень подробно мне рассказывал, как себя вести, если удастся бежать. Мы слышали, что многие пробовали бежать, но их быстро вылавливали, били. Из наших родственников никто не пробовал бежать. А я все искала момент, когда можно было бы сбежать.

И вот такой случай подвернулся. Однажды нас куда-то повели, там рассаживали в машины куда-то везти. Но машин не хватило. Сказали, что будем ждать следующую машину. Сели на землю, ждем. День теплый, нас охраняли двое, с винтовками. Один взял котелок и пошел за водой, другой лег на землю, прикрыл глаза. Я вижу, он задремал. А я специально села с краю, около дерева. Я огляделась, все сидели уставшие, измученные. Я тихонько пересела за дерево. Никто ничего не замечает. И я тихонько ухожу, если что, скажу, что туалет ищут. К тому времени я знала по-русски несколько фраз. А это был край города, сосны, кусты. Когда уже я была далеко, я бросилась бежать. Бежала долго, пока не кончились силы. Не могла успокоиться, все казалось, что меня ищут. Я даже не знала, считали ли они нас, оставшихся, если не считали и искать не должны. Как и говорил отец, я держалась подальше от людей и ближе к дороге. Остаток дня я провела в лесу и только ночью стала выбираться из города. Только к утру я вышла из города, долго плутала, не могла сориентироваться, когда стало светать, снова зашла в лес, легла под куст и заснула до вечера.

Первые пять дней я шла только ночью. Летом ночи светлые, но не знала, правильно ли иду. Вспоминала, что встречалось, когда нас везли сюда. Питалась травами, ягодами, грибами, запивала водой и шла дальше. Я боя-

лась зайти в деревни, я боялась встретиться с людьми. Но у людей я все-таки оказалась. Наевшись каких-то грибов, я отравилась. И в бессознательном состоянии наткнулась на какой-то дом в лесу. Дальнейшее помню проблесками. Через несколько дней придя в себя, я поняла что семья, проживающая в этом доме, спасла меня. Они сообразили, что я отравилась, чем-то меня отпаивали, кормили, выхаживали. У них я пробыла дней десять. Они так и не поняли, откуда я, как. Я ничего не могла объяснить. Но догадывались, думаю. Набравшись сил, я двинулась дальше. Дали они мне какую-то обувь, еды немного, курточку. Даже не знаю, в каком это месте было, не знаю, живы ли они сейчас, знаю, хозяйку звали Маша.

Я уже примерно знала, куда идти, не очень боялась встретиться с людьми, могла, хоть и плохо, изъясниться, спросить что-либо. Чтобы набраться сил, останавливалась у кого-нибудь дней на пять-десять, выполняла работу по хозяйству, люди снабжали меня продуктами, и я шла дальше.

Что интересно, я все время шла горами, лесами, ночевала под деревом, кустом, но ни один зверь на меня не напал. Реки несколько раз переплывала, тонула, чуть не умерла, когда заболела, что-то с желудком случилось после отравления. Но вот звери меня не трогали. Хотя и волков видела и медведей. Когда я подошла ближе к онгудайским лесам, встретились охотники. Они мне подсказали, что можно будет идти через Кадрин. Тут я вспомнила, как я еще маленькой с родителями ездила в Кадрин, на Аржан, целебные источники. Когда я это сказала, один из них говорит, что был на этих источниках, и подробно стал объяснять, как мне идти.

Теперь я летела как на крыльях. Я снова была босиком: обувь я истоптала и выбросила; еда была – охотники расщедрились. У меня уже было огниво, я могла разжечь

огонь, согреться, потому что дело было к осени. Добравшись до ключей, я узнала местность, оттуда я уже точно знала, как мне идти. Мое сердце колотилось, я пила из источника воду, умывалась и плакала. Я буду дома через два дня. Я возвращаюсь домой».

Бабушка, а тогда, молодая женщина двадцати девяти лет каким-то чудесным образом через три месяца после ареста оказалась на родине. Но дома ее никто не ждал. Скот был угнан в колхоз, аил и постройки разобраны и увезены. Ее приютили на ближайшей стоянке: лишние рабочие руки не помешают. Она еще долго ждала своих, все надеялась их увидеть, но никто из родственников не вернулся. Шел 1936 год.

А в 1937 году она родила девочку, Розу, мою будущую маму.

А место, где они жили, это километров десять от села Кара-Кудюр, в сторону Буланду. Оно так и называется, «Ядаан», по имени отца бабушки, моего прадедушки. Оттуда и фамилия наша пошла.

Я как-то возил детей туда, но мы не дошли именно до того места, остановились поблизости, надо было в гору идти. Собираюсь когда-нибудь всех детей собрать и все-таки прийти.

Сегодня, когда иногда начинаю детям рассказывать про бабушку, меня мало кто внимательно слушает; делов-то у них много: надо новую игру скачать, зайти в вай-вай, или фай-фай, найти, где у них там в телефоне припрятаны сто грамм, или черт его знает, сколько там грамм.

«АНДРЮША»

23 октября 2002 года в Театральном центре на Дубровке шел первый русский мюзикл «Норд-Ост». В зрительном зале было более 900 человек. Почти все они оказались в заложниках у 40 чеченских террористов, осуществивших в центре Москвы один из самых масштабных терактов в истории России. Требование террористов – прекращение войны в Чечне. Переговоры не состоялись. 26 октября начался штурм здания. Силовая операция началась с подачи через систему вентиляции газа. Всего в результате террористического акта погибло по официальным данным 130 человек: 4 человека застрелены террористами, остальные под воздействием газа потеряли сознание. Некоторые люди умерли в больницах, остальные так и не пришли в сознание. В числе погибших 10 детей.

20 сентября 2003 г. президент России В. Путин заявил на встрече с журналистами, что «люди погибли не в результате действия газа», а стали жертвами «ряда обстоятельств: обезвоживания, хронических заболеваний».

Оперативный штаб продумал спецоперацию по уничтожению террористов до мельчайших подробностей. Плана по спасению заложников у оперативного штаба не было.

Министерство здравоохранения официально отказалось сообщить данные о газе, примененном во время операции, сославшись на то, что это является государственной тайной. Комитет Госдумы по безопасности отказался изучить правомерность засекречивания газа. Формула газа засекречена до сих пор.

(Из средств массовой информации)

В эти октябрьские дни 2002 года мы находились в Москве. Мы, это большая группа из Правительства республики, заместители Главы республики, главы нескольких районов, специалисты. Мы ходили по департаментам, защищали объекты, просили деньги, в общем, проходила рутинная работа провинциального чиновника в московских кабинетах. Вечерами собирались в одном номере, пили чай.

В один из таких вечеров я говорю: «Сколько можно чаи гонять, давайте сходим коллективно куда-нибудь, на концерт или спектакль». Тайтаков Н.М. говорит: «Хорошо, организовывай, сделаем культурную вылазку». Я купил «Афишу», рекламный журнал, стал выбирать. А театров, залов, концертов, спектаклей сотни. Выбирал, выбирал из этого множества, и остановился на двух мероприятиях: мюзикл «Норд-Ост» и спектакль «Андрюша» в театре Сатиры. Оба мероприятия 23 октября, в 7 часов вечера. Показываю эти варианты руководителю делегации. Николай Михайлович отмахнулся, смотри, мол, сам, выбирай и покупай билеты. Я стал размышлять. Мюзикл в театре на Дубровке – вещь новая, интересно было бы посмотреть, отзывы неплохие. А в театре Сатиры спектакль «Андрюша» памяти актера театра Андрея Миронова, концертные номера в исполнении артистов театра. Перевесило то, что Андрей Миронов один из моих любимых артистов. И я пошел в театр Сатиры за билетами. Желающих пойти набралось двенадцать человек. Примкнули еще несколько командированных из республики, помимо нашей группы, а также несколько человек из республиканского правительства.

Спектакль понравился, выступали известные всем артисты: Спартак Мишулин, Ольга Аросева, Михаил Державин, другие артисты театра. Пели, показывали миниа-

тюры, вспоминали А.Миронова, очень рано ушедшего из жизни.

После концерта мы снова все собрались в одном номере, стали пить чай. И тут по телевизору передают экстренное сообщение: в театре на Дубровке во время спектакля «Норд-Ост» зрители захвачены террористами. Все посмотрели на меня, а я сидел уже весь в поту, не мог пошевелиться или что-либо сказать. Когда я выбирал между этими двумя представлениями, каждого спрашивал, куда бы он желал пойти. Все знали, кто, куда хотел пойти.

– А я Дубровку выбирал, – тихо сказал кто-то.

Желающих пойти на мюзикл было больше.

Все остальные три дня мы только и следили, как развивалась эта трагедия с «Норд-Остом». Репортажи, интервью, на третий день штурм.

Месяца через два заходит ко мне в кабинет министр здравоохранения Гурьянов А.А. и ставит на стол бутылку коньяка.

– Это что, Сан Саныч?

– Да как вспомню октябрьскую поездку в Москву, так тот теракт вспоминаю. На спектакле «Норд-Ост». Ведь мы там могли оказаться. Я-то хотел в мюзикл сходить, я же тебе говорил. А ты нас увел от беды. Спасибо тебе.

– Это не я, это Андрей Миронов.

И я рассказал, почему выбор не пал на Дубровку.

Мы налили по стопке его коньяка, и, не чокаясь, выпили. За тех, кто оказался в том аду и не выжил.

И за Андрея Миронова.

МОСТ АРГЕНТИЯ БАНАА

Лето 2016 г. Кое-как за последние, наверное, лет десять получилось организовать поездку с семьей на Телецкое озеро. Есть там турбаза, «Алтын-Туу» называется, хозяин ее Ионко Виталий Петрович. Каждый год он меня зовет к себе на лето, я обещаю приехать тоже каждый год, но он проходит, этот год, за ним второй, третий... И в этом году, в начале года сказал детям, что в этом году обязательно посетим Телецкое озеро.

Последние приготовления, сборы, и вот мы в машине едем по Чуйскому тракту. Вкруговую, через Улаганский район. По дороге работаю гидом, показываю и рассказываю про Акташ, «Красные ворота», пазырыкские курганы. Полюбовались на вершине перевала Катунь-Дьярык красотами челушманской долины, молча спустились с одного из самых опасных, но и из самых красивых перевалов в России. А молча, потому что во время спуска (ребятишки ехали здесь в первый раз) смысла нет что-то говорить, потому что при виде опасных поворотов и вниз уходящих обрывов ничего организм человека не воспримет, так как полностью его захватит страх, простой животный страх. Спустились, немного пришли в себя, и около Челушмана, так называется река, текущая по долине, решили передохнуть. Мы спустились к реке, через реку был перекинут канатный мост, с моста в реку прыгали туристы. Мы подошли к мосту. Около моста была залита бетонная тумба. Надпись: «Мост построен в честь 110-летия В.И. Ленина». «Так это тот мост!» – удивленно вскрикнул я. Никто ничего не понимал.

– Там, на другой стороне тумбы должно быть написано, что...

Я обошел тумбу. Видимо, там было что-то написано, но надпись была заляпана раствором. Я начал рассматривать местность, мост, мне показалось, что мост новый, но при внимательном рассмотрении было ясно, что мост старый, но отремонтированный. Пока ребяташки умывались, пили чай, на меня нахлынули воспоминания. Дорога по долине долгая, и я рассказал эту историю.

Был 1981 год. Я, молодой паренек, с корочкой строительного техникума, собирался немного погостить в Улагане и ехать в город. Как-то сидим с Толиком Ухановым у них в доме, чай пьем. Это сын дяди Аркадия и тети Зои. Тетя Зоя была отличной кухаркой, постоянно было у нее в доме что-нибудь вкусное поесть: блины, пирожки, сдобы. И всегда у них были гости. На этот раз был в райцентре на районном мероприятии Арсентий Васильевич Санаа, директор знаменитого совхоза «Советский Алтай», и забежал на чай к тете Зое. Когда он зашел в дом, мы сразу соскочили с мест и направились к выходу. Имя его гремело на всю область. Это был крепкий, небольшого роста мужчина, с пытливыми, живыми глазами. Он меня остановил. Начал расспрашивать, где служил, где учился. Он знал мою мать, бабушку, ведь они чибилинские.

Через несколько дней тетя Зоя нашла меня и говорит: «Тебя Арсентий Васильевич ищет, хочет, чтобы ты к нему приехал. Говорит, разговор есть». На попутке я поехал в Балыктуюль. Контора совхоза находилась в огромном двухэтажном здании. Перед входом был установлен памятник всаднику. Почему-то красного цвета. Я нашел кабинет директора. Директор ругал каких-то бригадиров. Когда они ушли, он еще долго, не обращая на меня внимания, ругался. Оказывается, они вовремя не успели отде-

лить молодняк от общего стада, а машины за молодняком будут уже к обеду. Наконец он переключился на меня.

– Будешь у меня прорабом работать? – без всяких вступлений спросил он. Я говорю, что собрался в город, там, наверно буду работать.

– Нечего тебе там делать. Ты здесь родился, тут и должен работать. Вишь, в город ему надо. А здесь специалистов не хватает. Была бы мать живая, она тоже сказала бы как я. Она тебя растила, выучила, а ты теперь удирать? Некого бригадирами ставить, ставишь кого попало, а они подводят.

Он еще долго кипятился, он до сих пор злился на бригадиров, а тут еще я со своим городом.

В общем, на второй день я начал работать в совхозе «Советский Алтай» прорабом. Позже выяснилось, что директор поссорился с прорабом и выгнал его с работы. Пришлось искать прораба. И тут Арсентий Васильевич вспомнил меня, про мой строительный техникум и позвонил тете Зое.

Это был мой первый опыт работы в строительстве в руководящей должности. И Арсентий Васильевич был первым руководителем. Я многого тогда не понимал, методы работы его иногда меня раздражали, удивляли. Но по прошествии многих лет говорю, что знаю только двух человек-руководителей, которых в работоспособности не переплюнуть никому, это Санаа А.В. и Лапшин М.И., который был руководителем нашей Республики. Все свое время они посвящали только работе, они были фанатами, я поражался их трудолюбию, преданности своему делу.

Строилось много объектов в совхозе, нужно было обеспечить материалом, техникой. Утром директор сам распоряжается, куда надо съездить, что увезти. Пока все объекты объедешь, уже поздний вечер, поел, уснул, рано утром опять на работу. Директор уже в кабинете.

– Ты почему вчера не доложил, как съездил?

– Так поздно было, десять часов вечера.

– Но и что, зашел бы ко мне домой, если меня на работе нет, рассказал бы. Я же жду, не знаю, как бригады сработали, что им нужно. В следующий раз, когда бы ни приехал, находи меня и докладывай.

У него не было ни нерабочего времени, ни праздников, ни выходных. В такие дни он объезжал стоянки или строительные объекты. Всегда был сам в курсе событий, лучше зоотехника знал положение дел на стоянках, лучше прораба знал, какой бригаде нужны гвозди.

Любил организовывать субботники. Огораживание полевых, например. Заранее заготавливались столбики, привозилась сетка. Рабочих рук не хватало, он привлекал все свободное население села. Как это происходило. У него был мегафон. Шесть часов утра. Он на машине объезжает село и в мегафон объявляет, что будет субботник, собираться там-то. Некоторым хозяйкам не очень-то хотелось идти на субботник. Они как увидят директорскую машину, прячутся. Какая-нибудь Фекла не успеет прошмыгнуть в кошару, следом мегафон на все село: «Все Фекла, я тебя видел. Придешь на субботник, в последний раз тебя не было, дочь говорила, что ты в больнице, а ты дома сидела, я узнал. Не знал, что у меня такие лентяйки в селе».

И едет машина с говорящим мегафоном, и все бабы врассыпную, кому охота, чтобы про нее на все село орал мегафон.

А вообще люди ходили на субботники с удовольствием. Варилось мясо, людей сытно кормили, наливали по сто грамм, шутки, веселье. Директор всегда отметит лучших, похвалит.

Заказал медали «Ветеран совхоза «Советский Алтай»». На праздниках торжественно вручал ветеранам.

Но медалей, видимо, было много. Он их начал вручать гостям. Заедет какая-нибудь концертная бригада с гастролями в совхоз, и уезжают молодые артисты с медалями, уже ветеранами. Не одной работой жил Арсентий Васильевич. Приглашал артистов, возил по стоянкам. Художников – украсить клуб. Строил памятники.

Но я отвлекся. И вот моим первым строительным объектом, на который я должен был составить наряд, был как раз этот мост. Вызывает директор и говорит, что в Кату Дьярыке, через Башкауc построен пешеходный мост, нужно составить наряд. Я съездил на лошади до моста (перевала еще не было), все обмерил, и пару дней составлял наряд. По этому наряду бригада строителей получает деньги. Приношу директору.

– Ну, сколько там получилось, показывай.

– Четыре тысячи семьсот пятьдесят рублей.

Арсентий Васильевич даже привстал.

– Как четыре тысячи? Я с ними договор составил на восемнадцать тысяч. Ты, сынок, еще раз внимательно посмотри, может, забыл что, пересчитай. Ну, давай, иди.

Целый день, прихватив еще и вечер, я работал над этим нарядом. Меня всегда удивляли эти расценки в строительстве. Кто их составлял, где? Например, до сих пор помню, что разгрузка цемента стоила двенадцать копеек тонна. Тонна! Двенадцать копеек! Россыпью! А булка хлеба тогда стоила 46 копеек. Цемента в то время не было в мешках, самому приходилось разгружать несколько раз, когда машина приезжает, а рабочих нет. Наглотаешься цемента и кашляешь несколько дней. И вот сижу, мучаюсь, не знаю, как еще сумму наряда увеличить. У меня получалось, что строители на мосту должны километрами таскать камни, цемент, пиломатериал тысячами тонн, кубов.

Утром иду к директору. Он по моему виду видит, что дела плохи.

– Ну, как дела?

– Шесть тысяч.

– Больше не получится?

– Нет, не получится.

Мы расстались с ним без поцелуев, но и без скандалов. Стаж работы в этом совхозе у меня составил полтора месяца. Через несколько лет как-то зашел Арсентий Васильевич ко мне в кабинет, когда я работал в сельхозуправлении начальником отдела строительства, посидел, мы о чем-то говорили, и, уходя, сказал: «А ты правильно делал, что стоял на своем. Я про тот наряд. Молодец». Пожал руку и ушел. В это время другие руководители хозяйств района увлекались строительством канатных мостов. Автомобильных, не пешеходных. Соответственно, и суммы выплат были порядками больше, чем у нашего моста. Это и привлекало ревизоров. Приедут, наряд составят, а все же на виду: замерили бетон, подсчитали канаты, и сумма получается в разы меньше, чем выплатили. Открывали уголовные дела, некоторых руководителей судили. Условно, но все равно судимость. А это крест на дальнейшей карьере.

А жизнь Арсения Васильевича закончилась настоящей драмой. В перестроечные времена группа недоброжелателей организовала выборы директора совхоза. Его сняли с поста, на котором он проработал более тридцати лет, начиная еще с колхоза, поставили другого. Санаа А.В. стал метаться. То в один совхоз поедет работать, бросит, потом в другой. Пришел в совхоз «Улаганский» директором. Я там работал прорабом. Мы строили гараж. Приехал на объект. Я его не узнал. Это был не тот Арсентий Васильевич, которого я знал. Не было того спокойствия и уверенности, твердой походки, смелого взгляда и зыч-

ного голоса. Передо мной был другой человек. У нас он тоже долго не продержался. Через пару дней положил ключи на стол и уехал. За короткое время он поработал в Саратане, Чибиле, Паспарте, в сельсовете Балыктуюля. А потом его ударил инсульт. Я навещал его, он лежал, но говорил уже плохо. Вскоре он умер. На похоронах было очень много людей.

Мы уезжали от моста все дальше и дальше. Историю я рассказал. А дочка спросила: «Папа, а что было написано там, на бетоне. На одной стороне про Ленина, а на другой?».

– Там написано, вернее было написано: «Мост построен по инициативе Санаа Арсентия Васильевича».

ШЛЯПА И КАЛОШИ

Как-то работали у меня в кооперативе кумандинцы. В один год их число до двадцати доходило. Все с одного района, Красногорского, все друг друга знают, многие родственники. Были и братья. Петуховы, например, один из них имел диплом строительного техникума. Побывав на стоянке, он сразу заявил: «Как у вас тут люди бедно живут. Комбикорм в чай кладут и кушают». Пришлось объяснять, что это талкан и что это такое.

Все холостые, практически все сидели в тюрьме. Несмотря на такую строчку в биографии, это были простые в общении парни, прямые, чуточку наивные и чуточку хитроватые. Жизнь-то заставляет. Самым шустрым среди них был Валера Чебеков. Очень начитанный, острый на язык, парень тридцати пяти лет. Первой фразой, которую я от него услышал, была:

– Алексеич, есть что почитать?

– А что любишь?

– Да все подряд. Фантастику.

– Фантастики у меня нет, не люблю, но принесу что-нибудь.

Несмотря на свой относительно молодой возраст, в тюрьме он просидел в общей сложности семнадцать лет.

– А за что сидел так много, Поликарпыч, пять банков грабанул, с убийством дюжины сотрудников?

– Да какой там. Ни за что, Алексеич. В первый раз с пацанами в магазин залезли. Взяли-то, две бутылки водки и конфет. Отсидел по малолетке два года, вернулся, и не

поверишь, выпили, и снова магазин ограбили. Снова решетка, уже на пять лет.

– В третий раз снова в магазин?

– Нет, потом одного, культурно говоря, нехорошего человека, поколотил. Но я говорю, ни за что сидел. Да пьянка это все. В основном в тюрьму из-за пьянки попадают. Настоящие бандиты преступления тщательно планируют, не попадают. А в тюрьме сидят дураки, вроде нас. Магазин грабанили, там же напились и вырубались. Мы – кормильцы ментов.

И действительно, все они побывали в тюрьмах по очень тяжким статьям: кто-то у кого-то что-то украл, подрался по-пьяни, поскандалил с милиционером. Никто не сидел за разбой, убийство или изнасилование. Получалось, преступления, или лучше сказать, хулиганство совершали в основном в нетрезвом состоянии.

– А если не пить?

– Можно и не пить. А что тогда делать?

Вот за такими разговорами мы ездили по магазинам, набирали продуктов, чтобы бригаду отправить на объект, на стоянку. Список составлял Валера. В списке были лапша, почему-то много сахара, сигареты, хлеб, и конечно, чай. Много черного чая. Из него они готовили чифир. Это когда в большую металлическую кружку насыпали всю 50-граммовую пачку и на костре заваривали, как чай. Это у них было вроде ритуала, сидят все вокруг костра, ждут, когда Валера все приготовит, и, передавая по кругу друг другу, отпивают по паре глотков. Как-то мне предложили. Попробовал. Гадость.

– Валера, а зачем вам столько сахара? На пять человек десять килограммов.

– Да они у меня все сладкоежки. Конфеты дорогие, пусть сахар жуют.

– Ну да, у вас зубов-то осталось, только сахар и жевать.

Секрет сахара хранился недолго. Приезжаю дня через три на стоянку, не видать моих рабочих. И работа не продвинулась, немного только разобрана крыша старой кошары.

Захожу в дом, в доме бардак. Валяются пустые тарелки, стаканы. И рабочие мои валяются. Увидев меня, охают, ахают, приподымаются.

А дело было так. У одного из моих рабочих был мешочек дрожжей. Сухих дрожжей тогда не было, они где-то купили несколько килограммовых сырых, и высушили. Фляга у них была, воду таскать. Фляга есть, вода рядом, дрожжи в мешочке, что остается?

Валера трясушимися руками черпает со дна фляги брагу и подает мне.

– Но извини, Алексеич, больше не будем. Завтра начнем работать.

Больше я им сахар килограммами не брал.

Но они все равно как-то умудрялись где-то выпить. Когда у них появлялись деньги, первым делом они должны отметить. Но когда отметят, продолжение будет следовать до конца. До любого. Хорошо, рядом со стоянками нет магазинов и «нехороших человеков».

Когда наступал день получки, я знал, что деньги в основном они пропьют.

– Ну что, забренчали медяки в кармане кумандинца. Опять пить будете? Может, родственникам отправите?

Валера чуть не рвет на себе рубаху.

– Да ты что, Алексеич?! Не будем. Слово кумандинца.

Кумандинец сказал, как отрезал.

На следующий день знакомая картина. Пустые бутылки, помятые физиономии.

– Кумандинец сказал, как отрезал.

Валера не отвечает, отводит взгляд.

Так и повелось у нас потом, когда он что-то скажет, пообещает, а не сделает, я говорю: «Самое главное, слово было дано кумандинцем, а кумандинец сказал как отрезал!». Он обиженно отворачивается, мол, опять на большую мозоль!

Но работы они были хорошие. Не сказать, что мастера, но и работа тоже была не ювелирная: кошару разобрать, поставить новую, лес заготавливать, дрова готовить.

Но один талант у Валеры проявился. Строим гараж в Чибиле. Нужно было собирать металлические фермы из двух половинок, и нужен был хороший сварщик. Я собирался в Акташ искать сварщика. Валера и говорит: «А чего его искать? Я сварщик».

Я недоверчиво смотрю на него.

– Сварщиком работал, что ли?

– А чем я думаешь, занимался в тюрьме семнадцать лет? Давай заварю что-нибудь, посмотришь.

Мы подключили сварку. Валера примерил маску, отрегулировал под себя, ловко обернул вокруг руки кабель держака, взял два куска уголка, положил их рядом, проверил массу, и, скинув вниз маску, начал варить. Поднял маску, плоскогубцами перевернул свое изделие, стал варить с другой стороны. Потом молотком обстучал, снова все обварил, снова обстучал, снял маску, скинул с руки кабель, плоскогубцами взял уголок и положил на бочку, отошел. Пожалуйста, мол, оценивайте.

Хотя мы и одобрили результат его работы, даже по движениям, по тому, как он работал, видно было, что это мастер. Когда монтировали фермы, он был в своей стихии: попросил себе двух помощников, сварил из толстых прутков скобу, помощники укладывали половинки ферм, прижимали друг к другу, стягивали скобой, он заваривал с одной стороны, командовал, чтобы перевернули,

и предупредив: «Глаза!», – начинал обваривать с другой стороны. Я бы сказал, что как у сварщика, у него был талант, талант от Бога. Как-то у моего «Москвича» клапана застучали. Снимаю клапанную крышку, одно коромысло, которое открывает клапан, сломано. Отломленный кусочек лежит рядом, маленький, миллиметров пять всего. Все, нужно искать другой. Валера посмотрел, покрутил в руке.

– Снимай коромысло, постараюсь заварить.

Я даже слушать не хотел, не получится, мол. Но получилось, как это ему удалось, не знаю. Поставили деталь на место, завели мотор, стук исчез, мотор работал, как раньше.

Все, говорю Валере, теперь он сварщиком будет. Отопление варить, газосваркой овладеть, подучиться.

– Нет, сварщиком я не буду.

– Почему, Валерий?

– На зоне я года два работал сварщиком. Варил лучше всех. И меня посылали на самые трудные участки. Варили мы цистерны. Снаружи еще ничего, а как начнешь изнутри варить, начинаешь этот дым глотать. Голова начинает кружиться. Выйдешь, подышишь, и снова туда. А там дым до сих пор от сварки. А он вредный, ведь когда электрод горит, выделяются ядовитые газы. А вентиляции нет, кому это нужно. Потом что-то с легкими случилось, иногда кровью стал харкать, со сваркой закончил. До сих пор кашель, ты же видишь.

– А я думал, это от курения.

– И от него, конечно, тоже. Но в основном от того, что наглотался я газов там, на зоне.

– А почему здесь вызвался варить?

– А где ты сейчас хорошего сварщика найдешь, только время потеряешь. А гараж сдавать к Новому Году. Да и здесь на свежем воздухе работа, меньше дышишь газами.

Хотя поработал несколько дней, чувствую, легкие опять стали барахлить. Ночами не спал, все кашлял. Хотел отказать, но кто заменит. Дотерпел до конца, но теперь сваркой заниматься больше не буду.

Действительно, когда я стал присматриваться, заметил: он много кашлял, но курил. Кашлял и курил.

Больше я его к сварочным работам не привлекал, единственное, попросил вместе съездить в Барнаул, помочь подобрать сварочный аппарат. Валера не Валера будет, если с ним ничего не приключится. Дело было в барнаульской гостинице. Проснулись, нужно ехать, я заглядываю в его номер, говорю, буду ждать внизу, спускаюсь. Жду. Пять минут, десять, пятнадцать. Его нет. Поднимаюсь, захожу в его номер. Они вместе с горничной, уже слегка возбужденные, в поисках полотенца. В те времена, когда съезжаешь из номера гостиницы, горничной на этаже сдаешь номер. Она по списку проверяет, все ли на месте, подписывает бумажку, и по ней ты получаешь в регистратуре паспорт. У Валеры не оказалось полотенца. И вот они битый час его ищут. Перевернули все на кровати, полки все повытаскивали в шкафах, везде проверили, в ванной, в туалете. Я все обошел, потом говорю Валере: «Сумку открой».

– Туда-то оно чего залезет.

Он обиженно поднимает свою сумку, ставит на стул, раскрывает молнию, и среди вещей он вытаскивает это полотенце. Какое-то мгновение немая сцена, у нас у всех (троих!) удивленные глаза, а Валера ахнул: «Как оно сюда попало?!».

Потом, уже на улице, мы вдоволь нахохотались.

– Слушай, Алексеич, я неверующий, но перед Богом клянусь, я не ложил ее в сумку, т.е. не помню, чтобы ложил. Но что, я совсем дурак, зачем оно мне? Извини, что так получилось. Слушай, а как ты догадался, что оно там?

– Поработай с мое с вашим братом, не о том будешь догадываться.

А потом объяснил Валере, что очень просто.

– Никто к тебе не заходил. Ты сам тоже не выходил. Я тоже не заходил, только приоткрыл дверь, сказал несколько фраз и ушел. Горничная зашла и не выходила. Вы все обыскали, в комнате полотенца нет, вернее оно было, ты подтвердил, что вытирался им, когда помылся. Я показал на твою сумку не потому, что зная твое прошлое, подумал на тебя, а потому, что единственное место, где вы не смотрели, это твоя сумка. Значит, полотенце там.

– А я решил, что ты сразу на меня подумал. Да, это какое-то затмение на меня нашло. В тот момент, когда ты показал на сумку, я был готов хоть с кем, хоть на что спорить, что его там нет. Вот что значит, сила привычки.

Как-то согласился Валера вылечиться от алкоголя. Повез я его и Виктора Чультекова в город, прошли они курс лечения. Забегая вперед, скажу, что Виктор Степанович до сих пор не пьет, более двадцати лет, и когда меня встречает, говорит: «Только благодаря вам, Вячеслав Алексеевич, я до сих пор живу. А то мои знакомые-то все померли».

А Валере я еще предлагал курить бросить. Потому что его кашель все усиливался и усиливался. Он сходил в больницу, у него признали туберкулез. Он заскучал. Работать становилось тяжелее. Он поехал на родину. Перед отъездом он говорил: «Я знаю, я долго не протяну. Такая значит судьба, что поделаешь».

– Супруги у тебя не было, знаю. Может дети есть, где-нибудь?

– Нет, Алексеич, нет у меня детей. И хорошо, что нет. Прожить такую же жизнь, как у меня, зачем?

Таким он был, когда уезжал, когда я видел его в последний раз. Грустным и сникшим. Потом до нас дошла весть, что он умер.

Эх, Валерка. Валерий. Валерий Поликарпович. Ему нравилось, когда я его так называл.

Я тебя помню другим. Я выдал вам зарплату, и в Горно-Алтайске со Степанычем вы пошли на базар. Прикупить одежды.

И придя с базара, уже с порога ты весело кричал:

– Алексеич, я первый раз в жизни на получку не взял водки! Одедся, не поверишь, с головы до пят! Купил шляпу и калоши!

В музее, еще перед реконструкцией, шла выставка картин Н. К. Рериха и Г.И. Чорос-Гуркина. Мы всей семьей решили посетить эту выставку.

Во время выставки раз за разом почему-то я возвращался к фотографиям Г.И. Чорос-Гуркина, сделанным, видимо, в тюрьме. Два фото, спереди и сбоку.

Эти фотографии мне не давали покоя недели три. А потом мне приснился сон: я видел последний день нашего художника. И родился рассказ.

КОГДА ПРОСНУТСЯ СКАЛЫ

Кутру он задремал. Всю ночь он не спал. Болело всё: голова, спина, руки и ноги. Болело от холода, болело от побоев. Только задремал, забылся, но показалось, что не спал совсем.

– Вставай, узкоглазый!

Вслед за криком последовал пинок в спину, и он полетел на каменный пол.

– Твоя очередь парашу выносить! – это был тот, кто лежал рядом, его земляк. И сосед. Это он, при его первом обыске, с жандармами, приходил к нему домой.

Теперь он бегал вокруг охранника, который стоял у открытой двери тюремной камеры, и тараторил: «Это он, узкоглазый, сегодня должен выносить парашу. Сказали, он рисует, ни хрена он не рисует, видел я его рисунки, дерьмо, я сам их сжег».

Охранник сказал: «Так он вроде и вчера тоже выносил. Как его фамилия, Туркин?»

«Туркин он, Туркин. А, нет, мы его Муркиным будем звать, или Чуркиным. Вот, вот, Чуркин. Чурка!, – он под-

скачил к лежащему, начал трясти. – Вставай, узкоглазый, бери парашу, вперед!».

Мужчина на полу зашевелился, начал вставать.

Это был старик, больной старик. Он с трудом приподнялся, его ноги еле-еле удерживали худое и длинное тело. Старик направился в угол, через некоторое время вернулся с большим бачком в руках и направился к выходу. Но ноги не выдержали. Он споткнулся, ударился коленями об пол и расплескал часть содержимого на пол.

«Ах ты, паскуда!», – теперь это был охранник. Он схватил старика за волосы, ударил головой об пол и стал лицом, как тряпкой, водить по разлитой вонючей лужице. Потом пару раз пнул его сапогом по голове. Тот потерял сознание. Его сосед, теперь по койке, улыбнулся охраннику, и, схватив бак, побежал к выходу.

Старик лежал без сознания. Но как с ним было уже не раз, в такие моменты перед ним являлось видение, и он оказывался свидетелем каких-то событий непонятно какого времени. Это случилось и на этот раз.

...Река в том месте, где был брод, казалась еще более сердитой. Камни преграждали путь воде, вода, встретив преграду, пенилась, разбрасывала брызги.

Лошади остановились. Старший спешился, начал ходить по берегу. «Не перейти», – подумал он. Но назад пути тоже не было, там – враги. Он распорядился, чтобы все отдохнули. Дали отдых лошадям. Лошадей было трое. Людей же – семеро, вместе с детьми.

Место брода указал им сосед по пастбищу, его скот пастеся рядом с их скотом. Для них места эти новые, они недавно здесь, а этот, с бородой и с длинной трубкой, живет здесь давно. Места знает.

Лошади не хотели идти в воду, фыркали. Сопротивлялись. Но хозяин, в конце концов, сильно хлестнул коня, что спереди, и больно ударил ногами своего. Все три ло-

шади, почти одновременно, бросились в воду. Бурлящая река как будто этого и ждала: до середины реки не дошла ни одна лошадь. Молодая кобыла повалилась на бок сразу. Дети даже не успели закричать, их накрыло волной. Остальные лошади тоже долго не продержались на ногах. Вслед за кобылой, под ужасные крики вода переворачивала людей, лошадей, бросала на камни, скрывала в воде.

Немного ниже, на месте брода, стоял бородатый старик. Курил свою длинную трубку и усмехался в усы, глядя на проплывающие тела людей и лошадей. Там, куда эти люди заставили войти в воду своих лошадей, брода не было никогда.

Вечером охотники нашли на берегу реки женщину. Ее выбросило на берег далеко от того места, где они хотели переправиться. Она была без сознания, но еще жива. К утру она умерла. Но ночью родила ребенка. Сына.

– Это твой дед.

Старику показалось, что это кто-то сказал ему. Он обернулся. Но видение исчезло. Его снова будили. Снова пинком.

Это был снова охранник.

– Пошел на выход, Туркин-Чуркин! Чурка и есть чурка! Прощайся, ведем уже.

Но прощаться было не с кем. Всех вывели на прогулку. «Будут стрелять?» – слабым голосом спросил он.

– Да, на расстрел.

«А может, снова разыгрывают», – подумал старик.

Он не мог понять, что ему больше хочется, чтобы убили или разыграли, как в прошлый раз.

А разыграли его так. Сказали, что ведут расстреливать. В конце коридора завели в отдельную комнату, поставили к стене лицом, на колени. Один охранник стоял рядом с ним. Другой, с пистолетом, отошел на несколько шагов назад.

«По врагу народа, пли!», – скомандовал первый. Второй выстрелил в воздух. А тот, что стоял рядом, ударил по затылку сидящего на коленях человека мокрым полотенцем. Тот рухнул на пол без сознания.

Как будет на этот раз. Пока всё так же. Повели по коридору.

«Враги должны быть уничтожены», – эту мысль Туркин повторял уже не раз.

И как он тогда не догадался, что его хороший друг, в Туве, был врагом? Как так получилось, что его хорошие слова оказались ложными. Как он мог предать?

«А я? Позор мне, позор роду моему, лучше смерть, скорее», – бормотал старик.

Завели в ту же комнату, поставили на колени. Зачитали какую-то бумагу...

Уборщик был рад: когда тело утащили, крови было мало, старик был худой и сухой.

А перед стариком снова видение. Селение или город. Он там никогда не был, но что-то было как будто знакомое. Огромное здание, наверно, театр, люди идут, говорят, что о художнике спектакль. Чистые красивые дома, памятник кому-то. Бабки сидят, одна говорит: «Художник.

Наверное, большой был художник, талантливый».

«Художник. Слушай, а он, кажется жив. Шевелится», – это уже охранник

– Да?

Послышался звук взведенного курка пистолета...

Через мгновение видение исчезло.

Навсегда.

ВСТРЕЧИ

Я нашел это здание быстро, это был в пятиэтажный дом, недалеко от нашего интерната. Нужно было перейти дорогу и пройти за угол. Сердце мое бешено колотилось: я нес в редакцию газеты результаты своего писательского труда – несколько стихов и рассказов. Я семиклассник, мне четырнадцать лет. С пятого класса стало получаться стихи писать. Записывал на бумажку, сильно не афишировал. На Новый Год в пятом классе выпускали стенгазету, я сочинял стихи, рисовал. На каникулы я уехал рано, а когда вернулся, узнал, что наша газета заняла по школе первое место. Как-то у нас заболела учительница по русскому, и несколько уроков вела другая. Пишем сочинение. Я посидел, подумал и написал сочинение в стихах. В конце следующего урока она меня оставила и говорит: «Ладно, двойку я тебе ставить не буду. Только скажи, чьи стихи переписал?»

В коридорах и этажах этого здания я долго бродил, спрашивал, люди куда-то торопились, не могли понять, чего я хотел. Наконец я очутился в нужном кабинете. Кабинет был большой, стояло несколько столов, за двумя из них сидели: справа, в углу, молодая девушка, а прямо, около окна, мужчина. В руке у него дымилась сигарета, он что-то писал. Я к нему и направился. Он оторвал взгляд от бумаг, увидел меня, слегка удивился.

– Что хотел, мальчик?

– Я хотел стихи показать, хотел, чтобы напечатали. Рассказы еще есть.

Он нехотя просмотрел мои бумажки, бегло по ним пробежался, взял карандаш и стал делать пометки.

– Здесь такие слова не пойдут, их нужно убрать, другие придумать, между двумя этими строчками нет никакой связи, нужно их связать, а это строчка повторяется, она лишняя.

Я не успевал улавливать, о чем он говорит. Так же он прошелся по моим рассказам. Я вышел весь в поту, смотрел на карандашные каракули около моих аккуратно написанных строчек и ничего не мог разобрать.

Когда я шел в редакцию, воображал такую картину: собирается весь коллектив редакции, я читаю свои стихи, рассказы, все дружно хлопают, расхваливают, тут же начинают печатать, и я со свежим номером газеты с моими стихами бегу в интернат.

А я возвращался, как побитая собачонка. Хотелось свои тетрадные листочки скомкать и выбросить. И хотя мне журналист сказал в конце, чтобы я доработал и принес, «кое-что напечатаем», я больше со своими стихами по редакциям не таскался. «Есть же Пушкин, – улыбался я. – Зачем стране второй нужен?». Чувство юмора еще никто не отменял.

«А какого черта ты туда поперся? Какой дурак предложил тебе идти к журналистам?», – распекал меня другой мужчина в больничной пижаме.

Это был Петр Бородкин, член Союза писателей СССР. Мы с ним оказались в Барнаульской больнице в одной больничной палате с одним диагнозом: гепатит. Мне было уже двадцать лет, ему около шестидесяти. И он возмущался, когда я рассказал ему эту историю.

– Писатель и журналист – это люди совершенно разных профессий. Я же знаю, у вас есть хорошие писатели, Палкин, Адаров, Укачин. К ним надо было обратиться. Они бы помогли, напечатали где-нибудь. Не обязатель-

но отдельной книжкой, хотя бы пару стихов, рассказов в сборниках. Писатель станет большим писателем только тогда, когда он печататься начнет. Люди должны прочитать, оценить. Иногда может не получаться, не очень удачные первые вещи могут выйти из-под пера. Я могу уйму примеров привести, когда у гениальных писателей первые произведения были совсем плохими. А твоему журналисту сегодня надо сразу, причесанные и красивые персонажи. Чтобы настроение людям поднимать. А его писанину красивую люди сегодня прочитали, а завтра забыли. Причеси сегодня героев рассказов Василия Шукшина, например, приподнеси всех его «чудиков» в красивом свете, все, человек исчезнет. Самое сложное – рассказать, как все было на самом деле, показать человека, как есть. Тогда и читать будут. А как начнешь своего героя приукрашивать, припудривать и прилизывать, все, оттолкнешь читателя. Я заканчиваю роман о Ползунове. Давно пишу, трудно идет. Напишу главу, прочитаю – нет, не нравится. Отложу, забуду на несколько месяцев. Перепишу отрывок, прочитаю, опять отложу. Сам не верю тому, о чем там написано. Так что тяжелый он, хлеб писательский.

Целый месяц мы были в изоляции, только вдвоем, и я с удовольствием вспоминаю рассказы, воспоминания, размышления П. Бородкина. А когда он отдыхал, я читал книги. Он заметил, что я люблю читать, и наказывал супруге приносить книги из его личной библиотеки. Я прочитал все его произведения, в том числе повесть «Тайна Змеиной горы», исторические рассказы про Барнаул.

Петр Антонович был очень интересным рассказчиком: говорил о войне, он воевал, работать начинал на простых работах, встречался в своей жизни с интересными людьми. Меня более всего интересовала его писательская жизнь. Он рассказывал, как начинал писать, как сейчас

работают они в краевой писательской организации, какие у них отношения, о чем кто пишет.

Мне было очень интересно видеть и слушать настоящего писателя. В детстве я читал многие произведения краевых писателей, и когда я начинал их перечислять: «Федька Сыч теряет кличку» В. Сидорова, военные Л. Квина, М. Юдалевича, Петр Антонович очень подробно начинал рассказывать про каждого. Я удивляюсь. «Так мы вместе работаем, в одной писательской организации, — говорит он. — А Марк Юдалевич сегодня ко мне придет». И я во все глаза рассматриваю знаменитого писателя, который маячит на улице, улыбаясь и маша рукой. Гепатит болезнь заразная, поэтому нас не выпускали и к нам не запускали.

— Вот ты про наших писателей рассказываешь, думаешь, какие они умные и справедливые, книги пишут хорошие. Ты бы видел, как они из-за квартир воюют, из-за машин. Один себе квартиру сделал, мало, теперь дочери выбивает. У меня там единственный друг, вот, который ушел. Марк. Ты читал его книги, да это талант. Талант — или он есть, или его нет. Его нельзя приобрести. И он не всем дается. Вот у меня его нет. Да, я член Союза писателей. Но у меня нет таланта. Трудолюбие, да. Целеустремленность, да. Но таланта нет. Их единицы, у кого есть талант. Мне повезло, я в архиве работаю, у меня под рукой много материала исторического. Кучу документации перелопатишь, напишешь повесть или роман, а это труд нескольких месяцев, а то и лет. Но это еще полдела. Потом нужно, чтобы рецензии написали, рекомендации, по издательствам рукописи направляешь. Вот и ходишь, унижаешься, кланчишь. Противно. Получается, что и откажут, не напечатают. А некоторые ушлые, пронырливые, вроде и вещь дерьмовую нацарапают, а глядишь — напечатали.

Он все больше и больше откровенничал со мной. Ему нравилось, что я с ним не спорил, только слушал, открыв рот.

Запомнился еще один эпизод из его жизни. Он его рассказывал с болью.

– Вот некоторые писатели сюжет ищут, о чем написать. А лучший выдумщик – это жизнь. Слушай меня. Ушел я на войну, был уже женатым. Все, казалось, Родину защищаю, родственников, жену свою от врага. А знаешь, что моя жена учудила? Замуж вышла!

– Как, вы же женаты были?

– Я тебе говорю, что поженились еще перед войной, были муж и жена. Воюю с немцами и потом узнаю, что моя жена – уже не моя жена.

– Наверно, об этом написали что-нибудь, рассказ, вернее, быть?

– Я про других людей пишу, о себе не умею. Вот ты станешь писателем, лет через двадцать, напишешь.

Он просил меня показать, что у меня есть из написанного, но у меня ничего не было. То, что было в памяти, рассказывал: стихи, сюжеты рассказов.

– Ты вот что. Покопайся там у себя дома, собери все, что есть. Стихи неплохие, наивные, конечно, но это возрастное, четверостишия, про волка здорово. Сюжеты рассказов мне понравились, приключение шофера, другие. И приноси мне. Я работаю в крайисполкоме, в архивном отделе, спросишь, там все меня знают. Напечатаем тебя. В первый раз.

Прошли эти двадцать лет. С Петром Антоновичем мне встретиться за эти годы так и не пришлось. И обещание я свое не сдержал, обещание прочитать его роман об И.И Ползунове. Человек – существо слабое.

ЧУЛКИ

— **Т**олько не перепутай, эти капроновые, Тамаре Ивановне, а простые, ее подружке, понял?

Но пацан мало что понимал, он не разбирался ни в чулках, ни в галстуках. Но он был горд, он шел поздравлять Тамару Ивановну. Выскочив на улицу, он быстрым шагом направился к ее дому.

Пацан, это я, семи лет от роду, ученик первого класса. Провожала меня мама, сегодня 8 Марта, это она придумала, что нужно поздравить мою учительницу. Тамара Ивановна жила недалеко, в небольшом пятистенке, с подружкой, тоже учительницей.

Не могу сегодня без улыбки представить, как семилетний мальчишка дарит чулки молодой девушке. Но тогда я был доволен, я был рад, что иду к моей учительнице с подарком.

Тамара Ивановна приехала в нашу деревню издалека, в то время много приезжало учителей. И стала учить нас, первоклашек. И я сразу полюбил ее уроки. Несмотря на то, что мы практически не знали русского языка, она сумела за четыре года очень многому нас научить. Учился я хорошо, даже отлично. Когда сегодня рассказываю ребятишкам, что у меня за четыре года были одни пятерки и только одна четверка и то в тетради, не верят. Она привила во мне любовь к чтению. Говорила, какие книги нужно читать. Я брал ее список, шел в библиотеку, брал 2-3 книжки, на следующий день снова приносил. Библиотекарь спросит: «Что, не понравилось?». Я отвечаю, что все прочитал. Она не верит, просит рассказать, о чем кни-

га. И удивляется, когда я начинаю пересказывать. Я думаю, что больше половины книг, что я прочитал в жизни, я прочитал в первые четыре года учебы, в начальной школе. И мама к моей учебе относилась очень серьезно. После школы я приходил, переодевался, вешал костюм на вешалку, она была металлическая складная, ел, убирал со стола и садился делать уроки. Сначала мама контролировала, потом это у меня вошло в привычку.

Тамара Ивановна летом уезжала к себе домой, и мы с нетерпением ждали ее осенью.

Она умела найти подход к каждому ученику, потом, повзрослев, понимаешь, что она не имела учительского опыта, после училища ее сразу направили к нам в район. Но у нее был талант педагога. Она редко повышала голос, было строга и добра одновременно. У меня никогда не было желания отлынивать от уроков, наоборот, я с нетерпением ждал следующего дня, торопился на ее уроки.

После четвертого класса мама отправила меня учиться в город, Тамару Ивановну я долго не встречал. Она переехала в Красногорский район, в село Фрунзе, там она тоже работала учительницей начальных классов. У нее было двое детей: дочь и сын. Я несколько раз приезжал к ним в гости во Фрунзе. Приглашала меня на свое 55-летие, я заехал, поздравил. Приехал, поддержать, когда у нее стогрела квартира. В тот день Тамару Ивановну я нашел в школе, заканчивался учебный год, она только что отвела уроки. Мы сидели втроем, была еще одна учительница, ее коллега. Тамара Ивановна говорит: «Видишь, Слава, как я вас учила, парта да мел в Улагане, так и сейчас, посмотри: старые парты и доска, больше ничего. Пятьдесят лет прошло! Более того, в этой деревне школу закрывают, детей возить будут в другое село. Мы-то ладно, без работы, мы на пенсии, свое отработали. А школы не будет, и село умрет».

— А я ведь я на всю жизнь запомнил, как вы говорили, когда наступит 2000 год, мы будем жить при коммунизме. Придем в магазин и будем брать, что нам нужно, без денег.

Тамара Ивановна грустно улыбается.

Мы сходили к сгоревшей квартире, пили чай в другом доме, куда ее поселили, по дороге она завернула на кладбище, показала могилки отца, родственника.

Потом я узнал, что она заболела. Звонил ей, говорит, что ничего страшного, не беспокойся. Она не сказала, что болезнь у нее серьезная, скрыла.

Когда я узнал, что она умерла, у меня тоже что-то оборвалось, я долго не мог прийти в себя. По дороге во Фрунзе меня застал буран, чуть не опоздал на похороны. Провожали ее в последний путь всей деревней, на кладбище я попросил слово, сказал, что я много учился в жизни: в училище, техникуме, в институте, другом институте только благодаря Тамаре Ивановне, потому что она сумела привить мне любовь к учебе, у меня много было педагогов, но более талантливых, чем она, не встречал.

Я ехал домой, шел снег, а я вспоминал. Как она водила нас в походы после учебного года, как она выступала арбитром в наших ссорах и спорах, как она могла уговорить ребенка ходить в школу, как она доходчиво могла объяснить тему. Как она полюбила нас, нас, ничего не понимающих по-русски, и сумела сделать так, чтобы мы полюбили читать книжки.

Видел себя, как старательно каждый день я гладил костюм, как на крыльях бежал в школу. Вспомнил, как на 100-летие В.И. Ленина, в 1970 году, я стоял на сцене сельского клуба и читал отрывок из поэмы В. Маяковского «В.И. Ленин». Говорят, взрослые люди в зале плакали. Это был конкурс, я занял тогда первое место, и мне вручили пластинку с речами Ленина и книжку про его дет-

ство писателя Арсения Рутько на алтайском языке. Это Тамара Ивановна настояла, чтобы я участвовал в конкурсе, хотя это были конкурс старшеклассников, сама подобрала, какое стихотворение выучить. Учила, как читать Маяковского, как стоять на сцене.

Я вспомнил, как в том далеком 1968 году, 8 Марта нес ей подарок, держа у всех на виду, чтобы все видели, что я несу. И какая разница, что я ничего не понимал в чулках, я шел поздравлять мою любимую учительницу Воронцову Тамару Ивановну.

ЖУРАВЛИ И РЕКТОРЫ

Мы уже были готовы рассаживаться по машинам, как кто-то закричал: «Смотрите, смотрите!». И показал на небо.

А высоко в небе летели журавли. Они летели, курлыча, острой галочкой, иногда несколько птиц чуть-чуть сбивались с курса, строчка искривлялась, но затем снова выравнивалась. Они летели, а мы смотрели им вслед, пока они не стали совсем маленькими и скоро исчезли.

Это была Челушманская долина, а мы стояли около школы в с. Коо. Мы ехали к Телецкому озеру.

Каждый год, в весенние месяцы мы, представители двух «северных» районов, Улаганского и Кош-Агачского, проезжали по ВУЗам Сибири для заключения прямых договоров на целевые места для наших ребятишек. Мне довелось пять раз участвовать в этих поездках, познакомился со многими ректорами, преподавателями ВУЗов. Вспоминаю, как по окончании одной из поездок сидим с главой Кош-Агачского района Джаткамбаевым А.Ж. и делим целевые места. Получалось примерно по 150 целевых мест на район, 300 бюджетных мест на два района. На эти целевые места мы устраивали конкурсы среди школьников своего района, потому что шансов при участии в конкурсе республиканского уровня у наших детей было мало. Как может конкурировать, скажем, ученик Белтирской школы с учеником республиканской гимназии?

И чтобы поближе познакомить с жизнью республики, показать состояние наших школ, мы решили организовать поездки ректоров к нам. Показать красоты, нашу природу.

ду, и заодно провезти по школам. И два раза нам удалось организовать эти поездки. Или экскурсии, или турпоходы. Как угодно. Организатором и инициатором был наш район. Я встретился с Ауэльханом Жазитовичем. Учебных заведений было более двадцати, от Горно-Алтайска до Томска. Пригласим по одному-двух человек, будет уже более тридцати человек. Разработали маршрут, подсчитали, сколько денег надо. Договорились затраты понести поровну. И началась работа. Нужно было разослать приглашения, получить точный ответ, сколько человек поедет от каждого ВУЗа, договориться о ночлеге, еде, транспорте и т.д. Причем и ночлег, и питание в разных местах каждый раз.

И вот сорок два человека (некоторые взяли и своих детей), уже четвертый день находились в путешествии. Организовывали, проводили мероприятия, готовили встречи, обеспечивали питание, ночлег наши: специалисты отдела образования во главе с Сабашкиной Ириной Ивановной, главы сел, шофера, повара. Около двадцати человек. Только машин было около десяти.

В первый день мы встретили наших гостей на границе. И повезли в Камлак, в ботанический сад. Директором сада был Орлов Василий Павлович, очень интересный человек. Мы с ним были уже года два знакомы, как-то я захотел посмотреть ботанический сад, мы разговорились и в дальнейшем поддерживали хорошие отношения. Когда я предложил организовать ночлег у него, в ботаническом саду, он с удовольствием согласился. У него были домики для проживания, педагоги остановились в них, познакомились с ботаническим садом, отдыхали.

На следующий день мы ехали по Чуйскому тракту. Останавливались часто, гидом выступал мой заместитель, Адагызов Валерий Михайлович. Он историк, знал и умел интересно рассказать и про историю, и про природу,

и про жизнь и наши обычаи. Доехали до Курая, там нас ждала большая группа людей из Кош-Агачского района во главе с Джаткамбаевым А.Ж., главой этого района. Нас вкусно накормили, показали концерт, и мы поехали к Актру, к ледникам. Поздно приехали, переночевали, утром сделали восхождение по леднику. Громко сказано, конечно, восхождение, но вершины белых гор были видны, мы шли по льду, который никогда не таял. После обеда поехали в Улаган. На улаганском перевале нас уже ждала делегация нашего района. На следующий день утром в администрации провели собрание. Были директора школ, родители, знакомились с представителями ВУЗов, вопросы-ответы. На собрании решили назначить ответственных по городам. Например, по Томску – профессор Байков А.Н. из медицинского университета, по Барнаулу – Фомин В.П. из института культуры и так далее. Для чего? Выезжая в города для заключения договоров, мы ответственному по городу говорим дату, когда мы там будем. Он встречается с ректорами ВУЗов и согласовывает время, когда они могут принять. И мы, приехав в этот город в эту дату, за день, от силы за два со всеми ректорами встречаемся и заключаем договора. Надо сказать, эти наши «ответственные» очень добросовестно относились к этой работе. Это нам потом помогло и в дальнейшем, ведь мы привозили приемные комиссии этих вузов в район, ребяташки сдавали экзамены в своей родной школе и, не выезжая никуда, становились студентами! Это преподаватели мне подсказали сделать одну школу из сильных учеников района. Предлагали, что во время каникул могут приезжать и помогать школьникам подготовиться к экзаменам при поступлении. Со многими из них я советовался, когда мы открывали в Акташе гимназию, когда у нас возник вопрос: с какого класса открывать, с первого или пятого. Мнения ведь разделились. Именно препода-

ватели ВУЗов убедили меня, что нужно с первого класса, что мы и сделали.

Но мы отвлеклись. После собрания в Улагане мы познакомили гостей с нашими школами. Мы это делали в каждом селе. Не доезжая до Балыктуюля, на турбазе, нас ждал обед. Нужно сказать, на каждой остановке нас ждала какая-нибудь концертная программа. И людям было очень интересно, культуры-то разные: сегодня русская, завтра казахская, потом алтайская. После обеда мы остановились на пазырыкских курганах. Гостям было очень интересно слушать Валерия Михайловича: это был его любимый конек. Впереди нас ждал Катунь-Ярык. Один из знаменитейших перевалов. А внизу Челушманская долина, это уже как другая страна. В село Коо мы подъехали уже ночью. Расселили людей в школе. Нужно было их кормить. Но почему-то машина с продуктами опаздывала. Мы ждем час, ждем второй, машины нет. Я отправляю навстречу машину, а сам прошу Анну Степановну Сартакову, главу сельсовета, что-нибудь придумать. Она уходит. Иду по школе. Хорошо, что мы ее удлинили, сделали пристройку. Как-то приезжали с министром образования Тулиновым Николаем Ивановичем, смотрели школу. Он говорит, что наверно будем закрывать эту школу. Детей здесь училось всего шестеро. А на улице лежал лес вывезенный для пристройки школы: Петр Сергеевич Топчин, директор школы, постарался. Помню, быстро организовал строительство, рассчитывались со строителями мукой и сахаром. Потом привожу Николая Ивановича, где-то через полгода. Он улыбается, говорит: «Но и хитрый же ты. Ладно, повременим школу закрывать».

И вот иду, в кабинеты заглядываю. Кто-то уже спать лег, устал, а кто-то сидит с тусклыми глазами, ужин ждет. Подбадриваю, как могу. Через час-полтора появляется

Анна Степановна в сопровождении нескольких женщин. Притащили флягу чая горячего, лепешки, хлеб, сахар.

Расставили посуду, которую собрали в домах (и посуда осталась в той машине с едой), разлили чай. Зовем кушать. Видимо, никто не спал. Все дружно, с веселыми лицами стали заходить в комнату, где мы разлили чай. И наступила тишина. Люди, привыкшие за эти дни видеть ломящиеся от еды столы, где было мясо кусками, первые, вторые блюда, салаты, конфеты, другие сладости, увидев стаканы с черным чаем и лепешками, становились растерянными, тихо усаживались и швыркали чай. И в этой тишине вдруг громкий голос Василия Никифоровича:

– А что, ребята, жизнь все-таки налаживается.

И сразу все заулыбались, начали подшучивать, ситуация разряжается.

Их было двое: Филиппов Василий Никифорович, из Барнаульского пединститута и Колтаков Константин Георгиевич, ректор Бийского пединститута. Обоим за семьдесят, доктора наук, оба спокойные, рассудительные. Умудренные опытом, они могли часами вести обстоятельную беседу, сглаживали какие-то острые моменты среди участников нашей компании. Наравне с молодыми они дошли до «каменных грибов», могли поддержать застолье.

Оказалось, что машина с продуктами застряла в лесу еще перед перевалом. До нас они доехали только под утро. Пока люди спали, мы спокойно успели приготовить завтрак. Завтрак проходил в веселой обстановке, воспоминаниями о вчерашнем ужине.

Добрались до Телецкого озера, там нас ждал в своем кемпинге «Алтын-Туу» Ионко Виталий Петрович. Человек, очень много сделавший хорошего для района. Будучи ответственным по Новосибирску, отлично составлял графики посещения и встреч с ректорами, встречаясь и до-

говариваясь с ними. Пару дней наши туристы находились на озере, катались на катере, посещали баню, купались. Конечно же, посетили школу в Балыкче, встретились с учителями. А потом на катере по озеру уплыли до Артыбаша, и уехали в Горно-Алтайск. На следующий день мы их проводили домой. Уезжали кто в Бийск, кто в Барнаул, кто в Новосибирск, кто в Томск.

Через год мы снова организовали такое мероприятие, только уже начиная с Артыбаша, с Телецкого озера. Состав был наполовину новым, а кто были в прошлом году, перебивая друг друга, рассказывали про прошлогодние приключения. Как переезжая Актру, остановилась «таблетка», вода заполнила салон, а кто был в машине, не обращая внимания на плавающие сумки и рюкзаки, попрыгали на сиденья и думали, что сейчас машина перевернется, потому что ее раскачивало как лодку, и все больше и больше. Как все время одна семейная пара преподавателей была многим недовольна (в семье не без уроды), а когда в одном месте именно их машина легла на бок, а Валерий Михайлович сказал, что это наказание духов, и это только предупреждение, они до конца поездки были как шелковые.

Остановились около с. Коо. За разговорами вспомнили, как мы видели журавлей. Кто-то из женщин говорит:

– Тогда мы насчитали тридцать два журавля. Впервые видела вживую, как они летят. Это было незабываемое зрелище. А Вячеслав Алексеевич отметил, что вы в первый раз увидели тридцать журавлей, а Челушманская долина увидела сорок ректоров и преподавателей учебных заведений Сибири. Тоже в первый раз. И вряд ли еще увидит. Но мы уже во второй раз здесь. Может, и в третий раз это будет.

– Будет. Бог троицу любит.

МОСКВА

Москва – город контрастов. Тут и богатые, тут и бомжи. Тут и улыбчивые, готовые тебе помочь, тут и подлецы, подкидывающие тебе под ноги бумажник, с целью вымогать у тебя деньги, если ты этот бумажник подымеешь. Тут и белые, тут и черные. Москва разная. Вспоминаю первые строчки, которые пришли после первых дней в Москве:

Крыши монстров-домов – в небе,
Джипы ездят по тротуарам – негде.
Белый негру глаголет лести,
Бомж в метро: «Разрешите слезти».

И проспав до обеда в будни,
Выкурив сигарет пять штукеч,
Выползают москвички-студни
Выгулять собачонок-сучек.

Контрастная даже Красная Площадь. Там находится мавзолей Ленина, практически кладбище. Но тут же, рядом, могут устроить какое-нибудь мероприятие с танцами, песнями и фейерверками. Искал по адресу одну концертную площадку. Нашел – удивлению не было предела, она находилось в здании бывшей церкви.

В бывшей церкви ресторан,
На Красной Площади – туалеты.
Много в мире различных стран,
Где Россия, Россия, где ты?

Мы приехали в Москву с Раисой на несколько месяцев. Она хотела показать свое творчество в столице, наладить связи. Ее талант был настолько ярок, что уже через пару месяцев ее приглашали на передачи, уже играла в спектакле. Кто бы мог представить, например, что после одного из концертов нас пригласит к себе на квартиру на Тверской народный артист России, пианист Юрий Розум, будет угощать икрой, которую он привез вчера с Камчатки, черным хлебом и водкой; а что, мол, еще надо. Севара Назархан будет говорить, что никогда не сможет петь, как Раиса, Дмитрий Дибров будет руководить тут же образованным оркестром: Раиса и Севара будут импровизировать голосами под аккомпанемент Розума за роялем. А под утро нас развезет на своей машине Д. Дибров.

– Ты покоряешь Москву, – говорил он Раисе, – теперь только не сбавлять обороты.

Но Раиса не любила никого и ничего покорять. Для нее никогда на первом месте не стояли успех, слава, сцена, овации. И когда нужно было делать выбор, или-или, она без колебаний сделала свой выбор. И мы не поехали больше в Москву, хотя планов и предложений было очень много.

Зато сейчас растет у нас чудесная дочка, рождению которой она радовалась так, как никогда не радовалась своим творческим успехам.

А меня Москва тянет. Иногда, нет-нет и заведу речь о том, как мы жили в Москве, и признаюсь, что мне снова охота туда. В Москву, с ее контрастами, с ее непредсказуемостью, с ее скоростями, с ее бешеным ритмом жизни.

СКАЗКИ

Это были сказки о Мишке и Белке. Уже второе поколение детей перед сном просило папу рассказать эту сказку. Это была одна сказка, но она никогда не повторялась, каждый вечер с героями происходило что-то новое. У этой сказки не было замысловатых сюжетных линий, но в этих историях дети узнавали себя, с героями происходило что-то похожее, что происходит и с ними, в настоящей жизни. Каждый день их ждала не следующая страница, а серия, как они называли. Сначала дети старались запоминать, что в какой серии происходило, но потом понимали, что это невозможно, поскольку серий было бесконечное множество.

Когда мама перед сном укладывала детей и собиралась прочитать из настоящей книги настоящую сказку про Колобка, дети убежали к папе и просили рассказать сказку про Мишку и Белку. В его сказке не было множества персонажей, как в «Колобке», где были и страшный волк и хитрая лиса, и детям не хотелось слушать, как в очередной раз будут есть Колобка. У Колобка не было друзей, ему старики дали жизнь, а он от них убежал, и потом его съели. Детям его не было жалко. Он был какой-то ненастоящий, не сказочный. Зато в папиной сказке у Мишки был друг – Белка, а у Белки был тоже друг – Мишка. И они всегда приходили на помощь друг к другу. Иногда сказки у отца были короткие, как огрызок карандаша, за день он так уставал, что под конец сказки сам чуть не засыпал. И тогда он просил детей самим закончить сказку. И они с удовольствием сами придумывали, как закончить

сказку. А когда просили рассказать еще одну серию, отец, уже засыпая, говорил, что обязательно расскажет, но завтра, перед сном, а теперь им нужно спать. Дети убежали по своим кроватям, чтобы поскорее заснуть и дожидаться следующего вечера, когда их будут ждать очередные приключения Мишки и Белки. А иногда эта сказка была очень длинной, когда главные герои попадали в невероятные ситуации, и сами же из них выбирались, применив свои смекалку и находчивость. Мама засыпала, так и не увидев детей в своих кроватях. А иногда дети сами рассказывали эту сказку перед сном друг другу, а мама удивлялась, почему они так плохо слушают всемирно известные сказки, которые она читает им из многочисленных красивых книжек.

Детям нравилось, что в папиной сказке нет ни страшных Бармалеев, ни злых Карабасов, а есть только два героя, Мишка и Белка. Им нравилось, что сказку можно закончить в любой момент, или рассказывать бесконечно, им нравилось, что в нее можно вмешаться и продолжить так, как тебе хочется, им нравилось, что от них зависит, что будет в следующую минуту с их любимыми Мишкой и Белкой.

Кто знает, пройдет время, вырастут дети, и может быть, кто-нибудь из родителей, отложив красивую книжку со сказкой о Красной Шапочке, которую тоже съели, скажет: «Дети, а сейчас я вам расскажу сказку, которую рассказывал нам ваш дед, когда мы были такими же маленькими, как вы сейчас. Сказку про Мишку и Белку. Настоящую сказку».

ГЕНИЙ

Вертолет прилетел с опозданием на три часа. А бывает, вообще может не прилететь. Сколько раз приходилось тащить сумки домой или обратно в интернат, если отменяют рейс. А если отменяют, завтра он уже не полетит, по расписанию через день, три раза в неделю. Уезжая на каникулы, купив билет на вертолет, сидишь как на иголках, на небо поглядываешь: будет погода, нет, отменяют рейс, нет. Хоть домой не ездь, в интернате сиди. В основном я так и делал. А если ехать на автобусе, два дня до дома добираться, два дня обратно. А весенние и осенние каникулы по пять дней, резона нет ездить. Только на зимние и можно ездить.

Но на этот раз, на весенних каникулах повезло: домой и обратно на вертолете.

В Улагане было холодновато, а здесь во всю таяло. Около аэропорта была каша из снега с грязью, я стоял у входа в аэропорт, на крыльце, дожидался автобуса. Ждать долго не пришлось. Подъехал автобус, вышли пассажиры с сумками, мы стали заходить. Водитель заглушил мотор, чего-то ждал. Наверное, времени отправления. Прошла кассир, всех обелетила. Билет стоил тридцать копеек. Водитель завел автобус, начал трогаться. И притормозил: какой-то мужик кричал и махал шапкой в руке, выбежав из аэропорта. Приоткрылась дверь автобуса, он запрыгнул на ходу, извиняясь, что задержался в буфете. Несмотря на то, что места были, он остался стоять на задней площадке.

В Майме, на остановке, зашли несколько пассажиров. И один из них начал шумно здороваться с нашим чуть не опоздавшим пассажиром.

– О, привет, давно тебя не видел.

– Здорово, здорово, как дела, как здоровье?

Видимо, они хорошо знали друг друга. Начали о чем-то друг друга расспрашивать, рассказывать, каждый о своем. Я начал ловить себя на мысли, что узнаю одного из них, который в аэропорту сел. Для верности несколько раз повернул голову, посмотрел. Да, я его знал, но сразу не узнал. Он был года два назад у нас дома, в Улагане. Такой большой и веселый. У нас даже фотография есть: родители, он, еще какой-то мужчина и наш сосед.

Я начал прислушиваться, о чем они говорят.

– Ты куда едешь-то?

– Да домой, в город.

– А в Майме что делал?

– Да приезжал к дочери, она здесь живет. Недавно переехала, надо было помочь кое-что перетащить. А ты-то, откуда едешь?

– С аэропорта.

– Летал куда-то, прилетел?

– Да не прилетел, видишь я без сумки, без чемоданов. Мы утром приехали, на машине, большой делегацией, три человека. Наши уехали обратно в город, а я вот, задержался, наверно, чтобы с тобой поздороваться.

Оба рассмеялись.

– А чего приезжали-то?

– Да провожали.

– А кого провожали?

– Да, одну фамилию провожали.

Мы уже ехали по городу, на одной остановке один из собеседников вышел. А тот, которого я знал, все стоял, держась за поручень, смотрел в окно. Несмотря на то, что

он весело разговаривал, теперь он стоял хмурый, скулы его были тесно сжаты.

На автовокзале мы выходили все, это была конечная остановка. Когда я вышел, тот пассажир уже шумно здоровался с другим человеком, смеялись и хлопали друга по плечу. Потом они направились в здание вокзала.

Я шел в интернат, думал об этой странной фразе: «Одну фамилию провожали». А потом забыл об этой встрече.

И только через несколько лет я как-то вспомнил эту фразу, и понял ее смысл. Приезжал в организацию или в коллектив какой-то человек, занимающий какой-то пост, должность. Может быть, из Москвы. В нем ничего не было хорошего, но при нем была должность. И если убрать эту должность, он никто, пустышка. И может быть, высказал свое недовольство мой пассажир, поэтому его бросили коллеги и уехали. Или он сам повернулся и ушел в буфет. Кто знает, как было, но он был раздражен, когда произносил эту фразу: «Мы провожали одну фамилию». Гениальная фраза. Не человека они провожали, а должность, фамилию.

Такую фразу мог бросить только гениальный человек. Пассажиром этим был Лазарь Кокышев.

БЕЛОЕ И ЧЕРНОЕ

Землетрясение на Алтае 2003 года останется в моей душе и памяти большой отметиной. Может быть, придет время, я спокойно постараюсь рассказать то, что происходило в эти дни, своим взглядом, так сказать, изнутри, ведь тогда я был руководителем одного из двух районов, где находился эпицентр землетрясения. А сейчас, хотя и прошло очень много лет, ничего не хочется вспоминать и говорить. Хотя все помню до мельчайших подробностей.

Но об одном эпизоде, как отражение всего, как все происходило, я расскажу.

Наиболее сильному разрушению подвергся Акташ, так как там было много двухэтажных кирпичных домов. И штаб наш находился там, в сельской администрации. В первые сутки мне приходилось практически сутками находиться там. Администрация находилась на втором этаже, когда начинались толчки, мы выбегали на улицу, а потом перестали.

Один из первых дней землетрясения, время за полночь, заходят журналисты одного из центральных телеканалов. Говорят: «В два часа ночи по вашему времени мы будем делать прямое включение в блок новостей, в Москву. Не могли бы вы перед камерами в это время ответить на несколько вопросов? Я соглашаюсь, они говорят, позовут за несколько минут, а пока пойдут монтировать оборудование на улице.

Ближе к условленному времени я поглядываю на часы, жду, когда меня позовут. Время уже приближается к двум часам, а их все нет. Думаю, может, забыли, оделся и по-

шел на улицу. В парке, недалеко от здания сельской администрации, горят прожектора. Подхожу, вижу, установлена большая тарелка, похожая на те, которые использует кабельное телевидение, несколько прожекторов включено, какие-то люди ставят палатки. И тут начинается сам репортаж. Парень с микрофоном рассказал перед камерами, что они находятся в одном из районов, где случилось землетрясение, коротко рассказал историю, когда началось, сколько баллов и т.д. Дальше начал рассказывать, что в настоящий момент в район уже прибыл отряд МЧС, скоро здесь будет развернут палаточный городок, полевая кухня, работы уже начаты. Он прошел к людям в форме, которые действительно бегали, суетились, забегали в палатки, что-то таскали. Оператор под свет прожекторов камерой снимал установленные палатки, людей, а парень с микрофоном все комментировал и показывал. Потом он объявил, что следующий репортаж они будут делать в следующем пострадавшем от землетрясения районе, сейчас они направляются туда, и закончил репортаж. Это длилось минуты две-три, не больше.

Журналист передал микрофон, распорядился: «Аппаратуру можно собирать, прожектора не гасите, пусть палатки разберут».

И те же люди, в военной форме, стали разбирать палатки. Я ничего не понимал. Все происходило очень быстро, несколько палаток, которые были установлены, исчезли, увезли полевую кухню, погасили прожектора. Я стоял, как говорят, «как вкопанный». Вдруг стало очень тихо, это они заглушили движок. А я даже не заметил, что он работал. Журналисты попрыгали в машины и уехали. А я стоял, оглушенный увиденным. Хотел себя щипать и щипать, в надежде, что это сон. Была холодная осенняя ночь, но мне было жарко, я поднял глаза, далеко в небе мерцали

звезды, чуть ниже темнели силуэты высоких скал... Вам никогда не хотелось волком завывать?

Отряд МЧС, о котором говорил журналист, в Акташе так и не появился, и палатки не привез. Мы их ждали, Акташу нужны были палатки, но их провезли в Кош-Агач, потому что там должен был появиться Шойгу. Остановку в Акташе он не планировал. А в соседнем районе, куда прибыл руководитель МЧС, был разбит палаточный городок из 200 палаток. Останавливались МЧСники из Красноярска на обратном пути в Акташе, и один офицер матерился: «Двести палаток поставили! И ни одна п... не зашла!».

Все совершенствуется. Телевидение по этому пути ушло сегодня еще дальше.

Я новости не смотрю.

Мне позвонила Светлана Кирилловна Иванова, руководитель крестьянского хозяйства из Чибилу. Раньше мы работали в одно время в совхозе «Улаганский». Говорит, книгу готовим выпустить про Чибилу. А так как вы родились здесь, напишите, вспомните, про работу расскажите. Я написал, отправил ей. Получилось так:

ЧИБИЛУ – МЕСТО, ГДЕ МНОГО ЕЛЕЙ

Это в переводе с алтайского. Действительно, вдоль реки Башкаус растут красивые высокие ели, и село Чибилу тоже растянулось вдоль реки. Эта родина моей бабушки, матери. Хотя раньше люди жили по урочищам, стоянкам. А в деревнях было всего несколько домов. Стоянки были разбросаны в окрестностях двух сел, Чибилу и Кара-Кудюр. И жили мы на стоянках или в этих селах. В Чибилу мы прожили (я прожил) всего несколько лет. Лет, наверное, до трех – четырех. Потом жили в Кара-Кудюре, позже переехали в Улаган. Детство проходило в компании мальчишек: Ухановых Юры и Вити, Бачишева Гены, брата Саши. Про Чибилу осталась картинка в памяти: какой-то большой дом, наверное, школа, около ней большие бочки, видимо из-под краски, и мы с ребяташками на них катаемся. А в руках у меня лепешка, испеченная на угле, толсто намазанная топленным маслом и сверху щедро присыпанная сахаром. Вкуснотища! Правда, потом я долго не мог есть топленое масло. Больше я в Чибилу не жил, но часто с матерью мы приходили туда погостить. У матери

было много знакомых, подруг (тети Нюра Кубешева, Галя Енчинова и др.), она была очень общительным человеком.

Через много лет мне довелось работать в этом селе. Поработав лет пять в районном сельхозуправлении начальником отдела строительства, я уволился. Это было в 1987 году. В совхозе «Улаганский», куда входили села Чибилу и Кара-Кудюр, тогда директором работал Куюков Алексей Иванович. На мой взгляд, один из лучших руководителей хозяйств района того времени, которых я знал. Так вот, он приглашает меня к нему в совхоз работать прорабом. Я подумал и согласился. Это были очень благоприятные годы для строительства в сельском хозяйстве. Вкратце, экономика была выстроена таким образом: совхоз в течение года мог заниматься строительством многих объектов, но своими силами и средствами, как говорилось, хозспособом, а в конце года, если у него все нормально с документацией и объекты были сданы в эксплуатацию, совхозу компенсировали все затраты. И в хозяйстве появлялись денежные средства для строительства в будущем году новых объектов. И те руководители, которые крутились, грамотно организовывали в течение года работу в строительстве, успевали многое построить. А тогда не хватало кошар, домов на стоянках, нужно было ремонтировать дороги, строить мосты. Бумажной волокиты тоже было очень много, нужно было заранее запроектировать объект, пройти все согласования, получить разрешения и т.д. У меня был приобретен некоторый опыт работы в этих вопросах во время работы в райсельхозуправлении, это очень пригодилось. Заранее, в начале года мы планировали, какие объекты нужно строить, какие стоянки строить заново, какие ремонтировать. И уже с начала года начиналась работа по проектированию объектов, заготовке леса, стройматериалов. Управляющие

ферм, Чибилинской – Енчинов О.О., Кара-Кудюрской – Юлуков О.В., хорошо помогали. Техникой, в организационных вопросах. Техники тогда в совхозе было много, но все равно не хватало, работы было много: на стоянки нужно было сено завезти, комбикорм, в рейс ехать, и т.п. Как-то утром насчитываю 19 строительных объектов, куда нужно завезти стройматериалы, продукты, ГСМ, а техники нет. В отделе строительства была одна машина, ЗИЛ-157, водителем работал Манзыров Семен. Ему и доставалась основная работа. Дополнительно машины нужно было «выбивать» у директора. Одним словом, нужно было крутиться, крутиться.

До моего прихода была построена новая центральная котельная. Она должна была обеспечить теплом несколько объектов. От котельной шли траншеи все было перекопано, люди добирались до конторы по мостикам. Нужно было эту котельную вводить. Пока завершали оставшиеся работы в котельной, в теплотрассах, лето прошло. Уже поджимали морозы, было рискованно пускать воду по теплотрассе. Но решили запускать. В общем, мы провозились с этим объектом недели три. Это был первый такой опыт на этой стороне перевала, чтобы от одной котельной отапливалось несколько объектов. И у нас многое не получалось: то вода из труб пойдет в траншеях (плохо заварена), то где-то завоздушится, вода не проходит, или резервуар для воды на крыше конторы окажется мал, меняем его. С утра и до поздней ночи, несколько недель, и наконец, победа. Во все объекты пошло тепло. От нашей большой котельной стали отапливаться контора совхоза, школа, детсад, сельсовет, медпункт. И в первую зиму всем этим хозяйством руководил Бушулдаев Г.Я.

Алексей Иванович задумал построить мост через Башкаус. Село располагалось на правом берегу реки, а на левом практически никто не жил, потому что до улаганско-

го моста далеко, а Башкауз река большая. А когда село разрослось, понадобился мост. Место для моста было уже выбрано, около машинного парка, лес уже был завезен. За работу принялась бригада Штанова Василия. Опоры под мост, «быки», нужно было устанавливать зимой, когда воды мало. Работа началась, но шла туго, и ребята успели поставить только одну опору. Но может, это и к лучшему. Летом опора дала крен. На следующий год, с учетом допущенных ошибок, мост был построен. Мы с Василием рисовали чертежи, браковали, снова рисовали, ездили к улаганскому мосту, смотрели, как он сделан. Прогоня крепили металлическими анкерами, заказывали специально. Но тоже все хорошо получилось, и этот мост имел большое значение в развитии села: стремительно начал застраиваться левый берег реки. И роль моста была бесценна, когда в один из паводков был снесен улаганский мост, а связь с миром не прервалась благодаря чибинскому, нашему мосту, который уцелел.

Совхоз нуждался в большом гараже. Сделали проект, начали строить. Гараж большой, размерами 18 на 60 метров, с отдельной котельной. Съездил в Акташ, в Балыктуюль, там построены такие же гаражи. В Балыктуюле гараж с опорами посередине, в Акташе без опор, на фермах. Решил строить без опор, из металлических ферм. Только как их привезти, 18 метровые, как установить? Взял чертежи, поехал в город, искал организации, кто бы их мог изготовить. В одной организации согласились выполнить эту работу, только предложили собрать их по половинкам, по 9 метров, а соединять их уже там, на месте, иначе целые, 18-метровые, не увезти.

Была середина ноября, до конца года осталось немного, наступила настоящая зима, это Улаган. А в гараже у нас пока только стены, вместо потолка небо, на полу снег. Снова работа практически круглыми сутками. В один

день, помню, пришел домой, поел, а уже обратно нужно идти, в Чибилу, потому что уже утро. Но до конца года мы гараж все-таки построили, хотя никто не верил. И котельную затопили, и сварщик нашелся, и кран как-то под руку попался. По-моему, его пригоняли на несколько дней, опоры под электричество ставить, и мы договорились, кран нам нужен был на два дня. А когда, где-то через месяц заглянул в действующий гараж, удивился, какой он большой. Даже не верилось, что это мы его построили. На улице была зима, а внутри тепло, водители и трактористы работали в легкой одежде, я насчитал больше 20 машин и тракторов. Вот в эти моменты и получаешь удовлетворение от своей работы, и усталость забывается, и бессонные ночи.

В связи с удаленностью лесоделян нужно было установить совхозную пилораму в лесу, ближе к полянам с хорошим лесом, в урочище Кара-Суу, в сторону Кара-Кудюра. Для начала нужно было поставить там дом, чтобы могли жить пилорамщики. Дело было зимой 1988г. Нужно было найти плотников. За дело взялись каракудюрские плотники, Данил Акпыжаев и Олег Белеев. С ними совхоз заключает договор. И вот за один месяц, зимой, с 20 января по 20 февраля они вдвоем выполнили такую работу: сначала срубили баню, стали там жить, потом срубили сруб дома 7 на 9 метров (лес на место был вывезен), и построили дом. Полы, крышу и т.д. Поставили буржуйку, обогрели, и бригада пилорамщиков в конце февраля приехала, жила в этом доме и успела до лета заготовить и вывезти из леса планируемый годовой объем леса. А когда снег растаял, они установили там пилораму, распиливали этот лес и строительные объекты обеспечивались в нужном объеме пиломатериалом. Бригадиром пилорамщиков был Баранов Г.С.

Как-то командировал меня директор в Турочак. За штакетником. И нам нагрузили в «газик» пролеты штакетные. Еду и думаю, что за ерунда, из леса в лес лес везу. Приехал, директору говорю, хочу столярку в совхозе сделать, чтобы можно было объекты своими рейками, оконными, дверными блоками и другими изделиями обеспечивать. А тогда на этой стороне перевала нигде столярной мастерской не было. Ладно, говорит, действуй. В пустующем интернате сделали столярку, я в Агроснабе выпросил дизельную электростанцию (тогда постоянной электроэнергией на селе не было), достали станки б/у и начали помаленьку выпускать продукцию. Все это происходило при помощи чибилинского «левши», мастера на все руки Тондоева Н.П.

Да, финансирование в то время было неплохим, но это было время повального дефицита. Все было ограничено, стройматериалы по лимиту, техника по разнарядке, чтобы что-то достать, нужно было постоянно ездить, выбивать, просить, требовать. И большую помощь совхозу в приобретении всего, в том числе и стройматериалов, оказывал экспедитор совхоза Унуков А.Ч. Но все равно не хватало стройматериалов: цемента, шифера, стекла. Обивали пороги райпо, потребсоюза, снабсбыта. Получалось, но давали в малых количествах.

И, тем не менее, за эти годы была проделана очень большая работа. В Чибилу был достроен детсад, построены большой магазин, за магазином овощехранилище, мост и гараж на 30 автомашин, о которых я говорил, на левом берегу села – несколько двухквартирных домов, автовесы, отремонтировано множество стоянок, построено новых около десятка. В селе начала функционировать телефонная станция. Когда был построен мост на левом берегу, за дорогой мы разметили футбольное поле, проводили турниры по футболу. Впоследствии на этом месте

стали проводить совхозные праздники, а потом и Эл-Ойны, в том числе республиканские.

И в Кара-Кудюре строительство шло большими темпами. Также строились и ремонтировались стоянки, в селе также заработала телефонная станция, были построены детсад, гараж на 4 машины, несколько двухквартирных домов. На месте бывшей пашни с Юлуковым О.В. отмерили и оставили место под стадион. Поставили ворота и провели первый футбольный матч.

Не хватало специалистов, рабочих. На объектах работало очень много приезжих. Из Армении, из Белоруссии, кумандинцы с Красногорского района. Но и из местного населения были бригады, которые хорошо работали. Это бригада Молодкина В.А. с Улагана, Белеева С.С. из Кара-Кудюра.

С Куюковым А.И. мы проработали недолго, он ушел работать в райисполком, директором стал Адыкаев В.И. А в это время в стране начали реорганизовываться хозяйства, появились первые кооперативы. Я предложил руководству совхоза организовать на базе строительного отдела кооператив. Очень благодарен Виталию Исаковичу, что он поддержал меня, хотя многие не поддерживали. Так был образован один из первых кооперативов в районе, назвали «Темп». Были арендованы техника, пилорама у совхоза, кое-что удавалось купить за свои деньги. Мы ушли в самостоятельное плавание, но это была и большая ответственность. Кооператив должен был сам зарабатывать деньги. А для этого нужно было строить много объектов для совхоза, а чтобы строить объекты, нужно их проектировать, чтобы проектировать, нужно пройти все согласования и т.д. и т.д. И во многом благодаря тому, что появился строительный кооператив в совхозе, и маневренность его была намного больше, чем строительного отдела, было построено большинство из тех объектов, о

которых я упомянул. Но планов было еще больше. Нужно было построить еще больше домов на стоянках, в двух селах, был запроектирован коровник для дойных коров, для обеспечения молоком школ и детсадов, подготовили проект и определили место под строительство школы в с. Чибилу, на левом берегу, планировалось провести электролинию к некоторым стоянкам. В общем, работы было непочатый край.

Но все когда-нибудь заканчивается. Директора начали меняться, как перчатки, и первый же отобрал у нас арендованную технику и пилораму, сказал, что кооператив совхозу не нужен. Жаль, а до развала Союза оставалось еще несколько лет, и можно было еще много объектов построить в совхозе. Хотя бы школу...

Много было после этого у меня разной работы и в разных местах, но время работы в совхозе «Улаганский» считаю счастливым временем, одним из самых трудных, но самых плодотворных. Иногда хочется, хоть на несколько дней, хоть на несколько мгновений очутиться в той атмосфере, когда ты по уши завален работой, когда нет ни одной свободной минуты, и когда люди вокруг тебя работают, чтобы принести радость другим. В первую очередь.

А на горе, над селом, собрались в одном месте и смотрят на село Чибилу моя бабушка, брат Саша, моя мама и ее месячная дочь – моя сестра...

Через некоторое время звонит Светлана Кирилловна, благодарит. «Мы тут в конце ваших воспоминаний даже чуть не всплакнули, – говорит. – Только напишите, как главой работали, и фотографию вышлите, самую красивую. Мы же радуемся, что наш уроженец главой района стал.

Я засмеялся, сказал, что вышлю. Биографию.

ПОВАР

– Можно войти?

В кабинет вошел мужчина средних лет, скорее даже парень. Лет может, тридцать – тридцать пять. Сразу бросилось в глаза, как он одет. На нем были джинсы, кроссовки потрепанные, курточка легкая, осенняя, под ней какой-то темный свитер с длинным воротом. А на улице февраль, морозная зима.

Я его никогда раньше не видел. Я отложил в сторону бумаги, показал на стулья. Он сел, положил спортивную шапочку на стул, потом снова взял в руки. Было видно, что он волнуется. Я дал ему освоиться, не начинал разговор. «Так, - думал я, – незнакомый человек, да в наших далеких краях, интересно, что его к нам занесло». Пьющим он не выглядел. «Наверное, из тюрьмы» – подумал я. Коллектив у меня рабочий, много было и приезжих, среди них было много и таких, кто сидел в тюрьме. Я бы не сказал, чтобы они как-то особо отличались от остальных, но определить можно было, кто сидел, а кто нет.

Тем временем он осматривался, отогревался, потирал замерзшие руки.

– Ну, рассказывай, что хотел.

– Меня Николай зовут. Да я к знакомому приезжал, он в соседней деревне живет.

Он назвал имя своего знакомого, фамилию.

– Сидели вместе, он раньше меня освободился, переписывались. Потом, когда я вышел, он меня в гости позвал.

Я знал, о ком он говорил. Да, тот сидел, только я не мог вспомнить, за что.

– А чего с гостей-то трезвый ходишь, плохо угощал тебя мой земляк?

– Да не пью я. А он гуляет который день, я сегодня уже хотел ехать домой, но не успел на автобус. Завтра поеду. Да как-то он говорил, может, останешься, на работу устроишься, про ваш кооператив говорил, про вас. Вот я и зашел, время-то есть. Хотя я уже во многие организации ходил, но как узнают, что я сидел, отказывают. И вы наверно, не возьмете меня на работу.

– За что сидел?

– Я человека убил.

Наступила пауза. Он не продолжал, и я не спрашивал. Не знал, что сказать. Несмотря на то, что я догадался, что он сидел, для меня было неожиданно, что за убийство. Я думал. Можно было разговор закончить, и на этом распрощаться. Да и он уже был готов уходить. Но я молчал. Вернее, не заканчивал разговор.

– Родственники-то есть?

– Да нет, мать померла, отца не было. Сестра где-то живет, но как я в тюрьму угодил, мы не общались.

– Женат-то был?

– Можно сказать, нет. Жил с одной, так, не расписывались.

– Детей нет?

– Нет, детей не было.

Чувствовалось, что эти простые короткие ответы давались ему с трудом. Он поднялся.

– Ну ладно, я пойду.

Я кивнул на стул.

– Садись. В лесу работал когда-нибудь?

– Нет, не приходилось.

– А вообще работать любишь?

– А кто ее любит-то, работу? Но жить-то надо, куда денешься, работать надо. Если она конечно, есть.

– В общем, так. Работать будешь в лесу. Работа простая – дрова колоть. Если не умеешь, научишься. Выдержишь, останешься, нет – автобусом домой. Договорились? О том, что сидел, за что, лучше помалкивать. Хотя это твое дело.

Я распорядился, чтобы ему выдали теплую одежду, оформили бумажные дела (приказы, по технике безопасности и т.д.) и машиной, которая перевозила из леса бревна на пилораму, отправил на деляну.

На лесоделяне у нас работало несколько бригад. Одна лес валила, тракторами трелевала сваленный лес и грузила погрузчиком на машины, в другой бригаде были плотники, они рубили сруба домов, а в третьей бригаде люди занимались заготовкой дров. Лес, который не шел на пилораму, долготьем вывозился на чистое место, там рабочие его распиливали на чурки, кололи, грузили в машины. В эту бригаду я и отправил Николая.

Всего на деляне было около двадцати человек. Мужики жили в двух домах, сами готовили еду. И это было большой проблемой. То все проспят, никто завтрак не приготовит, то начинают спорить, кто должен готовить. И в один из разговоров на эту тему в конторе, мой бухгалтер говорит: «Я знаю женщину, она работала в райповской столовой поваром. Сейчас столовую закрыли, она без работы сидит. Может ее взять на деляну поваром, правда, выпивает, но в лесу, поди, не будет».

Сначала мне эта идея не понравилась, как, женщина среди мужиков, в лесу, да еще жить в одном доме? Но неожиданно бригадиры это поддержали: «А что, – говорят, – мужики все взрослые, женатые, мы ей сделаем перегородку, а если будет готовить хорошо, это нам будет намного удобнее». И мы решили с ней встретиться. Когда

ее нашли, привели ко мне, и мы предложили ей такую необычную работу, она сразу согласилась.

Нужно сказать, что свою работу она знала очень хорошо. Она сразу подготовила список того, что ей было нужно из посуды, какие продукты будут нужны для 20 человек на неделю. И мужики ее встретили хорошо. Она была проста в общении, худая и высокая, но очень шустрая, она всегда успевала вовремя приготовить еду. Вставала очень рано, топила печку, готовила, а когда рабочие просыпались, их уже ждал вкусный завтрак.

Мне рассказали, что она приехала издалека, где-то есть дети, муж умер, она с кем-то сюда приехала, жили, потом разбежались. Она работала поваром. В разных столовых. Свою работу она делала отлично, но был за ней один грешок – выпивала.

И так получилось, что и Людмила Пантелеевна, так звали нашего повара, и Николай, были оба русские, в отличие от остальных, и оба холостые.

Прошла зима, Николай работал хорошо, с поваром нашим они сблизилась, и из деяны они возвращались уже супружеской парой. Мы определили им комнатку в здании конторы, они ее обустроили, стали жить.

Лес из деяны был вывезен в село, на территорию конторы, где имелась пилорама, столярный цех, гаражи. Теперь все бригады работали здесь. Мы решили рабочим организовать приготовление пищи. В одном из помещений гаража поставили печку, сколотили столы, закупили все, что нужно для столовой. Всем здесь уже командовала Людмила Пантелеевна. У нас получилась уютная столовая, в обеденное время здесь было шумно и весело. Вкусно пахло приготовленной пищей, рабочие улыбались, шутили, благодарили за обед. Людмила Пантелеевна была очень довольна. Она любила свою работу, после обеда она тщательно мыла посуду, аккуратно составляла спи-

ски обедавших, заранее приносила список для покупки продуктов. Но ее все равно преследовала ее слабость — любовь к спиртному. Я часто замечал, что она подвыпившая, в это время она прятала глаза, делала вид, что чем-то занята, картошку чистит, или еще что. Я тоже делал вид, что ничего не замечаю. Как-то она разговорилась, радовалась, что ей сын ответил на письмо. Столько лет не отвечал, а здесь ответил.

С Николаем они прожили целое лето. Он тоже работал, уже в другой бригаде. Я видел, что ему не нравится, что супруга (хотя не были расписаны) выпивает.

Шел строительный сезон, работы было много, поездки по объектам, командировки.

Однажды рано утром меня разбудил телефонный звонок. Звонили из милиции. На болоте, около пешеходного моста, найден труп женщины, и кто-то сказал, что она в кооперативе работает, могу ли я прийти, опознать. Через пять минут я был на месте. На земле, около дороги, лежала женщина, одежда в крови, лицо тоже. Но я ее узнал, это была Людмила Пантелеевна. Я сказал, кто это, подтвердил, что работает, работала, у меня поваром. Спросили, где живет. Я сказал, что могу показать. В милицмейской машине мы подъехали к конторе. В окне комнаты, где они жили, горел свет. Я не заходил. Его вывели со скрученными руками, он что-то бормотал. Но слова «я убил» я расслышал. Его вели к машине два милиционера, действительно вели. Потому что он был сильно пьян.

Больше я его никогда не видел.

Он присылал мне записку, хотел, чтобы я встретился с ним. Я не пошел. Был суд, на суд я тоже не ходил. Говорят, на суде он спокойно рассказывал, как ее убивал. Вместе выпивали, потом она начала вспоминать сына, его отца, то есть бывшего мужа. Он рассердился и несколько раз ударил ее в живот ножом. Она упала, он подумал, что

умерла. Налил стакан водки и выпил. Потом вырубился, ничего не помнит.

Экспертиза насчитала на теле Людмилы Пантелеевны около десятка ножевых ранений. И, тем не менее, она вышла из дома и шла, наверное, в больницу. Вся дорога была в крови, а последние метры, судя по следам, она ползла. Не дошла до дороги совсем немного. А увидела ее уже на рассвете припозднившаяся пара.

Хоронили мы нашего повара всем коллективом. Потом собрались в той же столовой на обед. Ее последний обед.

И как-то не прижились в этой столовой другие повара. Отработав некоторое время, они увольнялись. Никто не мог сварить, как она, вкусных борщей, никогда не было такого тепла, как при ней. И столовая со временем опустела.

Мы собрали ее нехитрые пожитки. Среди ее документов лежало то письмо, от сына. Там был адрес, имя. Это село за Бийском. В одну из командировок я заехал в это село, разыскал ее сына. Рассказал, так и так. Остались ее вещи, телевизор, еще кое-что, нужно забрать. Да и на могилку сходить. Сын ее это выслушал очень спокойно, даже безразлично. Я почему-то подумал, что он не придет.

Но он приехал. На «ГАЗике», за вещами. Когда он зашел в кабинет, я его не сразу узнал. Мы погрузили все, что было в комнате Людмилы Пантелеевны, в его машину.

– Вон там, на горе, сразу за домами, кладбище. Да, сразу, так получилось, что кладбище оказалось в середине деревни. Подъезжайте туда, я человеку бумаги подпишу, подъеду, могилку покажу.

Минут через пять я поехал за ними. Но около кладбища машины не было. Около одного дома мужчина копался в огороде. Я подхожу, спрашиваю, не видел ли он машину, не местную. Да говорит, была, остановилась,

шофер вышел из машины, попинал по колесу, снова сел и машина уехала.

Думаю, наверно в магазин уехал, за спиртным. Стал ждать. Но никого не было. На всякий случай проехал по центру села, мимо магазинов. Но той машины нигде не было.

Прошло много времени, но нет-нет, да и вспомню непревзойденного повара Людмилу Пантелеевну, и вижу картину: мы обедаем в ее столовой, а она стоит и улыбается. И сразу вторая картинка: милиционеры, ведущие Николая, который бормочет: «Я убил, я убил»...

ПРЕДАТЕЛЬ

Я его не узнал. Он был таким худым, каким я его никогда не видел. Грязные, длинные остатки шерсти свисали у него с боков, голова казалась неестественно огромной, тело было чуть ли не плоским. Но самое главное — глаза. Они были никакие. Я знал, какими они бывают, когда он радовался, я помнил, какие они, когда он сердился. А здесь — пустота. И он меня тоже не узнал. Когда я подошел к его конуре и окликнул, он нехотя вылез, посмотрел на меня, и снова, гремя цепью, исчез в своем доме...

... Он лежал комочком с варежку, в картонной коробке для обуви. Мы с сыном ехали из соседней деревни. Знакомые нам предложили щенка, сыну он понравился, и мы его забрали. Сначала он поползал по сиденью машины, понежился на коленях сына, а когда оказался в коробке, свернулся комочком и уснул.

Рос он хорошо, был веселым, дети постоянно играли с ним. Мы сколотили ему будку, она показалась нам огромной, но когда он вырос, он вмещался в нее кое-как. С первых дней он показал себя живым и смышленным животным, а со временем превратился в красивого умного пса. Он был очень добр к детям, даже играя с ними, в пылу азарта, не позволял себе их сильно кусать. Никогда не лез первым в драку с другими собаками, без причины не кидался на людей, не облаивал всех подряд, хотя и сидел на цепи. Цепь была на длинном металлическом прутке, и он мог практически свободно бегать, приветствуя жителей дома. Только услышав, как открывается утром дверь в доме, он выскакивал из конуры, и, виляя хвостом,

подпрыгивая, бегал взад и вперед. Он знал, что сейчас его отпустят, и он побежит на гору. Эти прогулки у него были почти ежедневно, иногда он бежал рядом с хозяином, иногда убегал далеко, исчезал, но потом откуда-то появлялся. Бегал за брошенными палочками, гонялся за какими-то зверьками. Домой возвращался уставшим, но довольным. Потом целый день лежал на траве и приветствовал каждого, кто выходил из дома: вот хозяйка вышла, чтобы покормить его, вот ребяташки побежали играть, по пути посоревновались с ним в беге наперегонки. Иногда пробегали собаки, он был приветлив к ним, но однажды на него напали две большие собаки и сильно покусали. Он долго хромал после этого. Но не озлобился, не стал агрессивным. Особенно добр он был к детям, даже чужим, его можно было без боязни отпускать с цепи, хотя во дворе могли быть чужие люди. Он ни на кого не бросится, никого не укусит. Он мог залаять на хозяина тех двух собак, и на других людей, он сам выбирал, на кого можно лаять.

Так проходили годы. Лето-зима, лето-зима. Летом он ждал зиму. Выпадал огромный снег, и ребяташки уводили его на гору, и они могли там целый день барахтаться в снегу: то скатываясь с оврага, опрокидывая друг друга, то закапываясь глубоко под наст. А потом, в середине зимы, хозяева зажигали ночью лампочки, и катались с горочки, а пес визжал и прыгал рядышком. А потом наступало лето. Можно было бегать на горе, разрывать норки, принюхиваться к запахам, выходящим оттуда.

Когда ему исполнилось пять лет, нам пришлось уехать. На заработки. В другой город. Уехали всей семьей, появились только через полтора года. Мы оставили дом знакомым, они обещали, что за собакой присмотрят. Время от времени созванивались, интересовались, как пес. К сожалению, с ним никто не гулял. Его отпускали иногда с цепи, но он один никогда на гору не уходил, он привык

всегда с хозяином, или с детьми. А в последнее время он перестал есть, начал болеть. Показали ветеринару, он не нашел никакой болезни. Мы приехали...

... Я его приласкал. Он был равнодушен. Снял его с цепи, пошли гулять. Я его не узнавал. Он не бегал как раньше, не убегал с дороги, не искал норы. Он плелся за мной. Так мы погуляли с час и вернулись домой. Это была совершенно другая собака. После прогулки я не видел его возбужденных глаз, он равнодушно поплелся в тень и лег. Я позвонил знакомому, говорю, так и так. Собака меня совсем забыла за это время. Нет, говорит он, она не забыла, это вы ее забыли, уехали, она не простила. Сказал, что у него была собака, и он рассказал одну историю: «Дело было на охоте. Я на лошади, разумеется, с собакой. Далеко уезжали. Места малознакомые, едем. Собака бежала-бежала, и вдруг остановилась, улеглась, и на меня смотрит. Я ничего не понял, дальше еду. А она все лежит, на меня смотрит. Я удивился, остановил коня, слез, возвращаюсь к нему, и вдруг вспоминаю, что именно в этом месте мы несколько лет назад, тоже не охоте, привал устраивали. Она помнит, а я нет. Я даже не мог вспомнить точно, когда это было, три, или четыре года назад. Вот так вот, собаки все помнят, это мы, люди, можем забыть. Вот вы его бросили, забыли, оставили чужим людям, а кому он нужен, кроме вас, и ему кто нужен, кроме вас. Для вас это просто отъезд, а для него – трагедия. Вот и весь сказ».

Нам нужно было уехать снова, через несколько дней. Перед поездкой я подошел к нему, позвал. Он вышел из-за ящика под уголь, ко мне не подходит, смотрит на меня. Я тоже стою, жду, когда он подойдет. А он стоял, не двигался и смотрел на меня. И мне показалось, что его глаза сказали: «Я скоро умру». И он не подошел ко мне. Повернулся и исчез за ящиком. Я стоял...

... Примерно через месяц мне позвонили, что он умер. В последние дни практически не ел, лежал в конуре.

Его глаза, в последний раз, я запомнил на всю жизнь. В них была такая боль, такая тоска, но боль не физическая, но тоска не человеческая, глубже.

И эти глаза говорили: «Ты – ПРЕДАТЕЛЬ!»...

РУБАШКА

Муха села на лоб, побежала к носу, устроилась было укусить, но Петька резко дернулся и открыл глаза. Проснулся. Потянулся, откинул было одеяло, но опять натянул. Хотя солнце было уже высоко, небо безоблачно, в сенях было прохладно. А под одеялом-тепльнень, да еще котенок примостился, мурлычет себе и спит.

На дворе мама шумела посудой, трещал огонь, что-то варилось.

Петька вспомнил, что нужно скорее бежать к ребятам, к Женьке с Сашкой, они, наверно опять сегодня что-нибудь новое придумали. Ребятишки собирались за деревней, около речки. Ни дня не проходило, чтобы они втроем чего-нибудь не натворили. Вчера они спрятали куклу-медвежонка, которую принесла Машка-хвастунишка. У нее мать в магазине работает, так она каждый раз новой игрушкой хвастает. Так ей и надо. Они этого медвежонка спрятали под дерево. Похвастай теперь, Машка, заводи своего Мишку, чтобы он лапами махал и двигался. По-реви!

– Петька! А ну просыпайся, соня, так и жизнь свою проспийшь. Ты что, забыл, какой сегодня день, а?

«А какой? – голова Петки лихорадочно заработала, – Праздник какой-то? Вроде нет. Тетю Варю они долго ждали в гости, так она отгостила, уехала. Какой же сегодня день. А может... Нет, тоже не то».

– А ну вставай, хулиган!

Мама уже заходила в сенки. Петька приготовился обороняться, она всегда набрасывалась на него, скидывала

одеяло, касалась своими почему-то всегда мокрыми руками его тела, а он орал, барахтался на тахте, потом скатылся вниз и убежал во двор.

Но сегодня она просто присела, погладила его вечно торчащие волосы, спросила: «Так и не вспомнил, какой сегодня день?».

«Не... а», – протянул Петька, все еще лихорадочно заставляя работать свои мозги, чтобы вспомнить.

Мама вздохнула, взяла его руку, вложила в свою ладонь, сказала: «Бегаешь с утра до вечера, что тебе помнить. День рождения у тебя, а ты забыл».

– Точно!

Петька так и подскочил. И как только он мог забыть, ведь недавно они с мамой говорили, когда будет его день рождения. Ну и дела, вот это позор!

– Ладно, не вскакивай, полежи, набегаяешься, напрыгаешься.

Но через минуту он стоял перед матерью. В коротких штанишках, в застиранной рубашонке. На коленках у него были вечные ссадины. Веснушки на лице от солнца сверкали еще ярче.

Ему сегодня исполнилось пять лет!

Он схватил кусок хлеба и побежал было к выходу, но мама его остановила.

– Подожди, Петя, не торопись. Подождут твои разбойники. Пойдем, покажу, какой я тебе подарок приготовила.

Подарок? Купила что-нибудь? Что, и откуда у ней деньги? Ведь только несколько дней назад она попросила у соседки, толстой тети Тани пять рублей. Свои деньги она не получала, вроде бы.

Мама подошла к шкафу, открыла дверцу и достала сверток. Положила на стол и стала разворачивать.

Петька затаил дыхание, часто-часто застучало в висках.

Подарок. Ведь ему еще никто не дарил подарки на день рождения, или он не помнит...

Тем временем бумага была уже развернута, легкий взмах маминой руки и, о чудо! – перед Петькой появилась новая с клеточками рубашка. Синяя, клеточки красные, внутри красных опять синие...

– Это мне? – только и смог выдохнуть Петка.

– Дурачок, а кому же еще. Тебе уже пять лет, почти большой уже стал, вон, сколько воды в ведрах приносишь. Носи. На, надень.

Надеть эту новую рубашку, да на свое тело, да она что, смеется?! Как вчера завалился грязный, так и уснул.

Мама словно читала его мысли.

– Надевай, надевай, ничего, что грязный маленько. Носить покупала, а не смотреть. Смелее.

Мама сама сняла с него пыльную, застиранную и уже требующую ремонта рубашку. А ведь недавно только штопала. Стала надевать новую. Осторожно засунула его руки в рукава, застегнула на все пуговицы, заправила в шортики, отошла и стала рассматривать.

А Петька боялся шевельнуться, ему казалось, сделай он сейчас одно движение, и все это исчезнет: и рубашка, и улыбающаяся мама. От рубашки пахло каким-то особенным запахом, рубашка тепло прильнула к телу, а он стоял и не двигался.

– Ну что ты стоишь, повернись спиной, боком, дай я на тебя посмотрю, мужичка моего, горе ты мое...

Петька стал было поворачиваться, но она сама подошла к нему, прижала к себе, и Петька услышал, как бьется ее сердце, и каким-то особым чувством он почувствовал, что по щеке мамы катятся слезы. Он не видел, но знал, что они катятся, и сам крепче прижался к ней. И у него самого сердце готово было выпрыгнуть из груди, а на глаза навернулись слезы...

– Мама, я больше никогда не буду называть тетю Таню толстой гусыней, и не буду стрелять из рогатки в ее кур, ладно?

– Ладно, сынок, ладно, верю. Ты уже у меня умный. Единственный.

А потом стояли так, без слов, прижавшись друг к другу.

– Пойдем кушать, я только вечером тебя и вижу. Я тебе кое-что вкусное приготовила. Иди, посиди со мной.

Мама быстро накрывала на стол. Вот она вытаскивает мясо, кладет на большую тарелку.

Курица, откуда? Где она курицу достала, у тети Тани стащила? Ему самому смешно стало: наверно принеси камень с чужого огорода, мама заставит обратно тащить, да еще всыплет хворостиной.

Перед ним появилась тарелка с супом с лапшой, которую она делала сама. Потом появились пироги, его любимые, с картошкой. Здесь на целую неделю наесться можно.

– Мам, где ты это все достала, когда успела-то все это стготовить?

– Ешь скорее, не спрашивай. Только рубашку не запачкай.

Да, ведь на нем новая рубашка! А он даже и забыл, увидев столько еды на столе, во дает! Да, вот это мама, и папка никакой не нужен, они и так вдвоем проживут, вот он маленько подрастет, и все будет делать за маму. А то ведь она устает, с работы-то ушла, когда ноги совсем не стали слушаться, теперь вроде какие-то деньги ей дают, потому что болеет.

Быстро покончив с ножкой курицы, проглотив несколько пирогов с чаем, он засобирался. Его друзья уже наверное, ждут давно.

– Я побежал.

– Сейчас, погоди. Ребятишек угости.

Мама достала конфеты и стала совать ему в карман. Шоколадные конфеты, да он и не помнит, когда он их ел, когда они были у них в последнее время!

Столько денег истратила из-за меня, а сама ведь вторую зиму говорит про пальто себе, в осеннем ходит.

– Теперь беги, только рубашку, смотри, не порви.

– Нет, что ты, – ответил он уже на ходу. А сам подумал: «А как же я в новой рубашке буду по земле ползать, когда с пацанами в войну будем играть, запачкаю». Но эта мысль сразу куда-то исчезла, он уже выбежал на улицу.

Ему казалось, что жители всей деревни собралась на улице, и ждут его, ведь у него новая рубашка. Но на улице было пусто. Только петух тети Танин с серьезным видом копался в навозе. На бегу Петька свернул к петуху и остановился перед ним. Петух отпрыгнул в сторону и, громко ругаясь, пошел прочь, искоса поглядывая на Петьку: прервал серьезное дело. Петькину рубашку он не оценил.

А Петька уже как на крыльях летел к пацанам, мысли в его голове не вмещались, опережали друг друга. Прибежит он к друзьям, раздаст конфеты, пусть видят, что он не жадный, как Борька пузатый, который только сам жуется, а другим не дает. Мишку этой Машке отдать надо.

Он бежал, ему было хорошо, солнце тоже весело подмигивало ему, и под лучами его рубашка становилась еще красивее.

Прибежит он сейчас и покажет, какую красивую рубашку купила ему мама. Мама, которая самая лучшая на свете. И пусть Генка длинноногий хвастает своим папой-шофером, а Машка мамой-продавцом, пусть.

Зато сегодня у него самая красивая рубашка.

*Всем, кто уезжает в далекие суровые края на
заработки, чтобы прокормить семью, всем,
кто их ждет,*

ПОСВЯЩАЕТСЯ.

ЗВОНКИ ИЗ СЕВЕРА

Олени успокоились. Собаки их согнали в кучу, все приготовились к ночлегу. Оленевод, возраст которого трудно было определить по виду, стал разжигать костер. Кучка хвороста уже была больше, чем вчера. Отец мысленно похвалил сына, он заметно подрос, помогал отцу во всем. Сейчас играет с собаками, будет играть, пока не устанет. Грубыми, натруженными пальцами рук оленевод брал каждую хворостинку, переламывал и когда надо подкидывал в костер. Вдруг в руки попала какая-то дощечка. Он внимательно стал ее рассматривать, там были вырезаны какие-то буквы. Потом подозвал сына. Стал что-то ему говорить. Мальчик вынес дощечку на улицу. На следующий день он пошел на горочку, где было несколько бугорков с крестами, постоял в раздумье, посмотрел по сторонам, потом положил дощечку возле первого бугорка и побежал обратно, в стойбище.

Хлесткий и жесткий ветер хлестал по лицу старой женщины. Она стояла сгорбившись, стояла долго, словно не замечала ничего: ни сильного ветра, ни сползшего с головы старенького пухового платка, ни слез, сильно текущих то ли от горя, то ли от ветра. Присела, а потом и совсем плюхнулась на снег. А ветер усиливался, поднимал в воздух снег, превращая все в белый туман, сквозь который едва можно было различить и эту женщину у небольшого бугорка с крестом, и машину с будкой, чуть поодаль. Через некоторое время из машины вышел мужчина, подошел к женщине, что-то сказал, пытался поднять, но снова

пошел к машине. А женщина все сидела, и тихо шептала: «Как же так, сынок? Ведь ты звонил, почти каждый день звонил. И последний твой звонок, наверно, где-то отсюда был. Каждый день звонил...».

– Здравствуй, мама! Доехал нормально. Как мы выехали из Асинска, связи не стало, ехали на вахтовке, машина такая, «Урал» называется, с будкой. Около двадцати часов ехали. Нет, не замерзли, народу много было. Правда, у машины печка по дороге сломалась, а на улице минус 25, ветер. Выскочишь на улицу, не успеешь свое легкое дело сделать, а тебя уже продуло до костей. Да не волнуйся, мама. Я твои носки шерстяные, которые ты мне лет сто назад связала, я ведь их и не носил никогда дома, одел, и все, согрелся. Сколько дней? Но вот считай: на поезде двое суток с пересадками, потом вот тут, около суток, да еще на вокзале торчали пятнадцать часов, остальных вахтовиков ждали, да и в Саратов из нашей деревушки сама знаешь, полдня на автобусе пилить надо. И того получа-

ется около четырех суток. Где живем? В вагончиках. Вагончик два на шесть метров, живем шесть человек, койки в два яруса. Мама, сейчас нас повезут на ужин, столовая в другом месте, нас возят, только там очереди большие, столовая маленькая, тоже вагончик, на улице в очереди отстоять нужно, минут пятнадцать, и внутри столько же. Да все нормально, мам, не переживай. Все, потом позволю.

– Мама, привет! Я уже отстоял две вахты. Что я делаю? Я в подсобниках у буровиков. Принеси-отнеси. Когда бурят, чтобы дойти до нефти, всякие примеси добавляют, химию, короче, их подтаскивать надо, и когда из скважины вытащили то, что пробурили, уносить надо. В общем, скучать не приходится. Да ничего, вечером робу есть, где посушить, обувь, а они всегда мокрые, потому что кругом сыро. Как там Танька? Дай ей трубку. Танька, ну как учеба? Давай, учись, школу хорошо закончишь, я денег заработаю, поедешь учиться в Саратов, ты на медсестру хотела. У мамы будет личный доктор. Этот Петька все улепётывает за тобой? Но так-то он паренек неплохой, но мне его компания не нравится. Они травку покуривают, и он, поди, тоже. Ты смотри там. Ну, все, перекур заканчивается, я пошел. Что такое перекур? Эх, Танька, Танька.

– Здравствуй, мама. Спрашиваешь, как коллектив? Сплоченный, сплочённой некуда, шесть мужиков на десяти квадратах. Люди разные, судьбы разные. Про их жизни можно романы писать. Только читать их никто не будет. Больно грустные романы получатся. Кто с женой развелся – на Север уехал, кто, наоборот, на Север уехал – жену потерял, к другому ушла, пока он тут деньги зарабатывал, здоровье гробил. Хорошо, у меня никого нет. Но и что, что тридцать пять лет уже, найду все равно свою, верную. А что про Машу говорить, поздно уже, как они с Петром поженились, сколько времени прошло. Их дочь уже то ли

в восьмом, то ли в девятом учится, недавно видел. Но что я сделаю, ведь у Петьки отец начальник лесопилки? Кстати, мам, а мой-то отец, что с ним, как? Ты про него так мало рассказывала. А почему развелись-то? Да ты что? Молодая, говоришь, глупая была? Но ты даешь, а почему раньше не говорила? Маленький был? Понятно. А потом что? Потом говоришь, он на Север уехал, иногда звонил, потом перестал? А тогда за того почему замуж не вышла? Женатый был? Да, дела. Ладно, мам, я на улице по телефону говорю, больше негде, холодно, пока.

– Танька, это ты? А где мама? В больницу уехала в район? Да, ты посматривай за ней. Ничего, скоро выучишься на доктора, не будет она никуда ездить. У меня все хорошо. То ли простыл, заболел немного, таблетки глотаю. Но ничего, ты только маме не говори. Да здесь такие ветра, что продуть запросто может. Да еще смена у меня, с семи утра до семи вечера, да на улице. Да не старый я еще, здесь и под пятьдесят лет мужики встречаются. Правда, мало. Как учишься-то? Тройки? Ты давай исправляй их. Летом поступать надо. Я, видишь, только по ремонту телевизоров выучился, а кому их будешь ремонтировать в нашей-то деревушке. Вот и поехал на север. Ну, ладно, привет маме. А что с твоим телефоном, опять испортился? Ладно, приеду, телефон тебе новый куплю. Крутой.

– Мам, это ты? Ну как съездила в больницу, как здоровье? У меня все хорошо. Нет, никто не обижает. Коллектив дружный. Сигареты чужие таскают. Я с одним поругался уже. У меня сигарет и так мало, до конца вахты может не хватить, а он, гляжу, из моей пачки сигарету достает. Потом я их стал прятать. Какой телевизор, мам. Ни телевизора, ни радио. Ты бы видела, что у нас в вагончике ночью творится. Кто храпит, кто с шумом воздух из кишечника выпускает, кто с кем-то ругается во сне, а кто сядет на кровати, качается из стороны в сторону. Ни-

какого телевизора и радио не надо. Да и умогаешься за смену, поужинаешь, и еле доползаешь до кровати. Сперва эти вагонные радио и телевизор спать не давали, а потом привык. Спать захочешь – хоть в каких условиях уснешь.

– Мама, а как фамилия у отца-то моего была? Плотников, как и моя? Вернее, моя, как его. Почему спрашиваю, да у нас тут рядом заброшенный городок. Говорят, в советские годы здесь геологи жили, разведка. Четыре двухэтажных барака, постройки, думаю, человек на двести. Заброшено, конечно, разграблено. Так вот мы с Ванькой, мои другом, его тоже зовут, как меня, туда ходили фанеру искать, чтобы под матрацы положить, они сильно тонкие, холодно. А недалеко, на пригорке, кресты. Сказали, там могилки. Ведь здесь каждый год кто-то замерзает. Машина сломается, считай, все, хана. Через пять минут в кабине будет также холодно, как на улице. Лет пять назад, говорят, бригада вахтовиков полностью замерзла, восемнадцать человек. Сбились с дороги. А здесь это запросто, ветер задует, дороги не видно совсем. А что я про фамилии спросил. Когда мы шли мимо могил, Ванька стал могилки разглядывать, потом кричит: «Смотри, Плотников написано». Я подошел, крест, и ножом вырезана фамилия. А звали отца по-моему, Петр, да? Ага. А отчество? Николаевич? А здесь их нет, видно, что дощечка сломана пополам, могилка-то старая. Почему здесь хоронят? А сказали, если родные не отыщутся, или их нет, есть и такие, хоронят здесь. Так фамилия не редкая, но и что, что одинаковая.

– Здравствуйте, домашние! Как вы там? У меня все хорошо. Вот с Ванькой ездили на другую буровую, двух мужиков отвозили. Километров двадцать. Машина такая, «гусьянка» называется. Сверху как «Уазик-таблетка», а снизу гусеницы приделаны. Мне интересно было прокатиться, бригадир отпустил, я поехал. Только вот на обрат-

ном пути что-то с машиной случилось. Мы нашим позвонили, обещали подъехать. Что-то до сих пор их нет. Да не волнуйся ты, мама, скоро они приедут. Метель переждут. Да не дрожу я, нормальный голос. Да тепло у нас здесь, укрылись мы, здесь есть кое- что, брезент. Пока мам, все нормально, не переживай.

...Когда женщину посадили в машину, казалось, она была замерзшей насквозь, на ресницах был иней, голова, шея были в снегу. У неё что-то спрашивали, она не отвечала. Машина сердито поворчала через выхлопную трубу и через некоторое время скрылась в снежной пыли. А ветер уже заравнивал снегом небольшую ямочку около могилки, и через некоторое время ничего не стало: ни ямочки, ни следов. А под снегом, около другого могильного бугорка лежала старая дощечка, на которой были вырезаны ножом слова «Петр Николаевич», и снизу какие-то цифры, помельче, наверно, дата рождения и смерти. Но их было не разобрать: дождь, ветер и снег за три десятка лет сделали свое дело...

**Рассказ написан на основе реальных событий.
Апрель 2016 г., Север.**

ГДЕ ВЫ, НАШИ СВЕТЛЫЕ ГОДА?

«Мама» делала очередной обход.

– Так, где Саша Унуков? Сашка, ты где? Розка, а ты тут? И ее нету. Вот прогульщики, сейчас я пойду в интернат, им всыплю. Вот за этим кустом должны быть... щас, посмотрю по списку. А, Сашка Сейтоков и Лариса Байгалиева. Вы тут?

– Тут.

– Это ты, Лариска? А Сашка?

– Тут тоже.

– Хорошо, молодцы. Где-то здесь должны быть Славка Ядаганов с Ирккой Мамаковой. Вы здесь?

– Мы здесь.

– Вы уже дружите? Мои самые примерные. Кто там у нас дальше по списку, ага, еще три пары осталось, скорее пройду, и в интернат надо бежать за Розкой с Сашкой.

«Маму» нашу зовут Вера Курдашева. Мы, пятиклассники Областной национальной средней школы как-то подсмотрели, как «дружат» старшеклассники, и решили тоже вечерами «дружить» парами. А что, мы же уже большие. Организатором была Вера. Она собрала нас всех, сказала, что будет мамой, распределила по парам, завела тетрадь, и теперь каждый вечер, каждая пара за определенным кустом за пришкольной площадкой должна была «дружить». Если кто не выходил на «вахту», на следующий день получал нагоняй от нашей «мамы».

Об этом узнал педагогический коллектив. Нас собирали, стыдили, что рано, такого безобразия не может допустить одна из лучших школ области. Мы ничего не понимали, наше безобразие заключалось в том, что мы за кустом дожидались, пока не проведет обход Вера, и разбегались каждый по своим делам. Забегая вперед скажу, что после 9 класса, когда сказали, что школу закрывают, мы пошли в прощальный поход. И спали в палатках, кто с кем хотел. Девчонки с мальчишками, мальчишки с девчонками. И никто и представить не мог, что у нас может произойти «безобразие».

Мы приехали из разных сел области, но класс был очень бойким и активным. И в учебе, и в спорте, и в общественной жизни мы были всегда на первом месте. Было три класса, «А», «Б», «В». Наш класс, «А», так и оставался до выпуска самым передовым. Во всем. Могли выпустить стенгазету и занять первое место. Могли купить пива, выпить в общепите до опьянения и поставить воспитателей в трудное положение: доводить ли этот инцидент до директора школы или нет. Без труда выигрывали различные соревнования, были очень дружны, но могли устроить коллективную драку. До директора нас все-таки довели: нас, пацанов, поймали, когда мы курили в туалете.

Мы не забирали документы, когда в 1975 году сказали, что школа будет закрыта. Осенью приехали в город, а школу не закрыли. Как мы радовались! Были среди нас и вообще сорви-головы. Томка Музыкава могла открыть створки окна своей комнаты и с наружной стороны пройти по жестяному карнизу от одной створки до другой. А это окно четвертого этажа.

Такими мы остались и после школы. Шли по жизни смело, с риском, падая и вставая.

Очень часто встречались. Обычно в городе. Юбилейные встречи были на Семинском, в Аскате. Но время –

жестокий разрушитель. С годами мы встречались все реже, а нас, на встречах, становилось все меньше.

Когда была встреча выпускников в школе в 2016 году, я посетил это мероприятие. Прошло сорок лет, как мы закончили школу. Из нашего выпуска было всего шесть человек. Просмотрев альбомы, узнал, что наш класс потерял уже девять своих учеников. В остальные классы не стало четырех. В двух классах вместе.

У нас первой ушла Света Казазаева. Спортсменка, на уроке физкультуры она обгоняла нас, пацанов. Роза Алпысова, красавица. Нина Мендешева, с Ини, долго болела. Люба Чекуракова, тоже болела. Она жила в городе, и когда встречались классам, собирались у нее.

Пацаны ушли. Аскат Матаев, наш лучший футболист. Алик Табадяков, он перешел к нам из параллельного класса. Саша Сейтоков, мы с ним жили в одной комнате. Также, как и с Эдиком Юдаковым. И Вова Манышев, он был маленький и все время ходил со мной. Также жил в нашей комнате. Много ребят ушло, почти половина класса.

Как-то Паша Кедечинов пригласил нас к себе в Боочи, в честь выпуска книжки, он стихи пишет. Я подъезжаю к клубу, одноклассники уже там, выхожу. И Асентай Устенбекова говорит: «Слава, а где наши парни?». У меня вырвалось: «Умерли». Потом осекся, нехорошо стало.

А на той встрече выпускников из нашего класса были только двое: я и Шура Тандина. Из других классов выпуска Тамара Кудирмекова, Аля Суремеева, Люба Шатина и Вера Таханова. После встречи мы поехали к Шуре Тандиной, пили чай, вспоминали школьные годы. А я им прочитал стихотворение:

Сорок лет уже прошло, сорок вёсен.

Листья пожелтели и упали сорок раз.

– Где же парни? – Асентай у всех нас спросит.

– Улетели, и возможно, вспоминают нас.

Словно ветром, нас по свету разбросало,
Кто на Север, кто на юг, а кто-то тут.
Но всегда нас, словно нить, соединяла
Наша школа, что теперь гимназией зовут.

Мы встречались, педагогов вспоминали,
Хохотали, как «дружили» при луне,
С городскими как дрались, как мяч гоняли.
Это будет, к сожалению, с приставкой «не».

Сорок лет уже прошло, сорок вёсен.
Листья пожелтели, и упали сорок раз.
– Где же парни? – Асентай у всех нас спросит.
– Улетели, и возможно, поджидают нас...

ОСКОЛКИ

Мы идем по жизни, как по тонкому, хрупкому стеклу. Кто-то идет не торопясь, расчетливо, продумав и спланировав каждый шаг, иногда опускаясь на четвереньки, когда нужно, чтобы стекло не треснуло, и доходит, доползает до своего финала, не оставив ни одной трещины.

Я разбираю записи на обрывках бумаг, листков. Рукописные, пожелтевшие. На машинке отпечатанные, с продырявленными страницами. На компьютере набранные, посветлее. А они как осколки, как кусочки жизни. Разные. Я беру их в руки, некоторые небольшие, безобидные. Другие берешь аккуратно, чтобы не порезаться, но острые края их ранят руку, выступает кровь, боль течет по телу, доходит до сердца. Я кладу осколки обратно, ищу каждому свое место, хочу сложить их в одно целое. Не получается...

Беру наугад. В этом осколке четверостишия. Давно они написаны, еще в школе. Не любил «якающих». И написал эти строки. Типа басен. То ручей, то ключ, то телега.

Река ручей однажды пристыдила:

– Какой ты мелкий и смешной.

– А не было б ручьев, – ответом было, –
Не быть тебе такой большой.

– Дом открывают мной, ключом,

А значит, сторожу я дом.

А с ночи, как замок сломали,

Ключа и вовсе не видали.

– Я самовар, я угощу
Горячим чаем, всех прошу!
Но до сих пор он чай не сварит:
Сгорели угли в самоваре.

– Телега я, я лошади дороже,
На мне хозяин хоть куда уехать сможет.
Вдруг лошадь сдохла, и хозяин едет
Другую покупать, продав телегу.

Беру еще. Самарканд, записи. Ездили с Раисой в Узбекистан, песенный конкурс «Шарк Таронолари». Забегая вперед скажу, что приехала она оттуда с призом, званием «Уникальный голос Азии». Но речь не о конкурсе. По телефону организаторы сказали, что заграничный паспорт не нужен. Проезжаем Казахстан, Киргизию, все нормально. Подъезжаем к границе с Узбекистаном, нас по российским паспортам не пускают. Мы стоим. Что делать? И тут подходит парень, говорит, что может переправить на ту сторону, т.е. в Узбекистан. Мы соглашаемся, наш проводник нас ведет куда-то закоулками, приводит куда-то, говорит, чтобы мы здесь ждали. А здесь уже было несколько человек, выяснилось, что он пошел за следующими ослими, типа нас. Это мы поняли, имеется в виду, что мы ослы, позже. Собрав деньги, он передает нас другим проводникам. Другие снова берут деньги, ведут определенное количество расстояния, передают следующим... Кто-то уже просился назад, но назад нас уже не пускали: бородатые, не могу не сказать «боевики», поглаживали автоматы, и только «проводники» не забывали рассчитываться с ними. Нашими деньгами. С сумками, в приличной одежде, мы бежали, пересекая глубокий ров, по дну которого тек ручей, чуть ли не на четвереньках выбираясь из этого рва, а чуть вдалеке виднелись пограничные

вышки с автоматчиками. Приподнимали в нужном месте колючую проволоку, проползали, уже не думая о том, что рвется и пачкается одежда, снимали обувь, бежали босиком, потому что ноги вязли в мокрой почве. Наконец нас вывели на узбекскую территорию, и тут до нас стало доходить, что мы нарушители границы. Что Советский Союз в прошлом, а Узбекистан – другая страна. В Ташкенте, прибыв на место, мы все рассказали. Организаторы начали звонить в разные инстанции. Сказали, что к концу фестиваля что-то решится. Фестиваль был в Самарканде, когда он закончился, нам сказали, что ничего не смогли сделать, и у нас обратно один путь: тот же. Снова ров, ручей, колючая проволока, боевики с автоматами, и снова деньги. Одному, второму, третьему...

Это потом, когда прошло время, мы с улыбкой вспоминали то путешествие. А тогда, как вспоминает Раиса, думала, что над нами начнут издеваться, убивать. А я думал, как же там будут дети, если нас в тюрьму посадят. Как нас проинформировали, мы совершили уголовное преступление. Нарушение государственной границы по их законам карается тюрьмой до пяти лет.

Беру еще, вот острый небольшой осколок. Про собаку рассказ. Грустный. И сразу вспоминается другая собака, собака моего детства. Его звали Тарзан. Он был большим, лохматым и злым. Все время бегал со мной. А мне десять лет. Когда мы были вместе, он лаял на прохожих. Ждал меня, когда я приду со школы. И был у нас в селе милиционер, Борбый звали. Он застрелил Тарзана. И выбросил под обрыв. Когда мне это сказали, я пошел искать моего друга. Я его нашел, он был весь в крови, мертвый. Я просидел около него весь вечер. Стало уже темно, тело его делалось холодным, твердым. А я все прижимал его к себе и ревел. Жалел об одном: у меня нет отца. Если бы у меня был отец, то у него обязательно было бы ружье...

А на этом осколке записи, как мы ректоров привозили в район. Теплые воспоминания. Вроде бы казалось, солидные люди, доктора наук, профессора, а как с ними было просто общаться. Как они здорово помогали нам, чтобы ребятишки района могли поступить учиться. С некоторыми из педагогов до сих пор поддерживаю отношения, если удастся, встречаемся. Но удастся редко. Некоторые уходят. Время...

А вот и веселые строчки попались. Листок бумаги отпечатанный на печатной машинке. Компьютеров тогда еще не было. Эта встреча, одна из наших встреч со школьниками. И я написал строчки по воспоминаниям об этой встрече.

М. К. приехал со сломанной загипсованной ногой, на костылях. Смотрю, в самый разгар отплясывает, костылей нет.

Сломал, загипсовал, приехал,
И все завидовали чтоб,
Сплясал на двух он ради смеха,
Забросив костыли в сугроб.

Утром подслушал возмущения О.Т.

Ты лежал, как бревно, у берега,
Я тебя задушить хотела.
И скажу: не мужик ты, дерево,
Зря я, что ли, всю ночь потела?

А это балдеет Л.М., вроде как на конкурсе по танцам.

Как будто нету сорока,
И как быстры телодвижения.
Такие выдавала ПА –
Всем мужикам – на поражение.

Рядом не отстают О. Б. и кивают в сторону С. С., мол, вот она, готовая женщина, мы сейчас от тебя убежим с ней. С. машет ручкой. Но...

Он говорил: «Вы-готовая женщина,
Мы с вами устроим отличный побег.
Увы! Мы толкаем машину с той женщиной,
На заднем сиденье – готовый О...

Л. М. жалуется, что кое-как вырвалась, муж не отпустил.

Отпустил меня муж до вечера,
Не приедешь, сказал, выпорю.
Надоели мне эти встречи все,
Но и муж надоел. Выгону.

Я прочитал эти строчки ребятам. Всем понравилось, только один одноклассник, про которого было написано, обиделся.

Жизнь такая короткая, а мы на пустяки обижаемся. Помните, «Тот самый Мюнхаузен?». Один из моих любимых фильмов. Вроде бы комедия, но это очень серьезный фильм, там тексты с глубоким смыслом. Григорий Горин, гениальный писатель, он написал сценарий. И финал фильма. Мюнхаузен, его играет О. Янковский, говорит: «Я знаю, в чем ваша беда. Вы слишком серьезны. Умное выражение лица еще не признак присутствия ума. Все глупости на земле делаются именно с таким выражением лица. Так что улыбайтесь, господа, улыбайтесь!».

В нашей жизни не шутить – с ума можно сойти.

Чувство юмора мне всегда помогало в тяжелые минуты. Всегда старался в такие моменты найти что-нибудь веселое.

А встречи одноклассников для меня значат очень многое. В первые годы после школы мы встречались очень часто, я сам любил организовывать эти встречи. Как встретимся, обнимаемся, целуемся, если кто-то притащил жену или мужа, для них это дико, начинают в позу вставать. Потом я говорю, оставляйте своих половинок около печек, надоело на их кислые морды смотреть. Тебе хорошо, говорят, у тебя жена одноклассница. Но были и такие, что после таких встреч становились своими. Жена Аската Матаева, Валя, стала нашей. Между Валею и моим одним одноклассником, позже можно было наблюдать такой диалог.

– Валя, а помнишь, в шестом классе...

– Я не училась с вами в шестом классе.

– А в каком классе ты к нам пришла?

– Ни в каком. Я с вами вообще не училась.

Собирались, рассказывали различные истории, пили дешевое вино, что ночь, что день, без разницы, могли закурить к однокласснику.

Три часа ночи, например. Долбимся в дверь Л. Она матерится, открывается дверь.

– Каким идиотам не спится?

– Дура, если к тебе еще стучатся в три часа ночи, ты еще нужна кому-то. Радуйся!

Так, одна встреча может продолжаться день, два три. Нигде так много не выпивали спиртного, как на этих встречах. Не пил только один человек – А. Всегда с фотоаппаратом, всегда присутствует на встречах, но никогда не пьет. Что ж, в семье не без урода.

Вот маленький осколок. Строчки о том, что мне не нравится в людях более всего.

В честь дяди Миши косолапого обед давался,

И слон хвалил крота, и так развыступался.

За что хвала кроту такая в этом доме?
А то, что был он главным в рабочкоме,
А слон квартиры дожидался.

А вот другие.

Заяц Волку принес вино.
– Выпей, друг! Ведь такая вкуснятина.
Он и впредь угождал бы, но...
Выпив, Волк закусил... зайчатиной.

А на другой странице стихотворение, называется

Наш век

Век машин, скоростей, науки
Век космический, век веков...
Много можно найти от скуки
Этих громких газетных слов.

Это правильно все, конечно.
К лучшей жизни идем. Летим.
И спешим мы, торопимся вечно,
Все купить, что не снилось другим.

И куда улетела гордость,
И куда подевалась честь.
Так и счастливы наши морды:
Мы успели, ему-не успеть.

Век машин, скоростей, науки,
Век космический, век веков.
Но вдруг кто-то как будто то на ухо:
Век дубленок, джинсов, ковров.

Следующие страницы – осколки касаются творчества Раисы. Несколько листочков в руках. Во время выступлений за пределами Алтая зрители иногда спрашивали, есть ли переводы песен. Я перевел некоторые песни Раисы, но ни в одну алтайскую песню перевод не лег. Имеется в виду, что алтайских песен в исполнении Раисы на русском языке нет. Она в начале песни или при проигрыше во время песни читала эти переводы.

Но потом оказалось, что переводы не очень-то и нужны. Далеко-далеко от ее родины люди слушают ее пение, закрывают глаза, и по щекам их текут слезы. Слезы людей, которые не знают языка, на котором поется.

«Все, больше не могу, не буду их петь. Я ненавижу свои песни. Скоро сердце разорвется», – говорит Раиса.

И не мудрено: каждая песня ее – драма, трагедия.

– Ну и не пой. Пой про птичек, о ромашках пой.

Но проходит время, и она снова споет. Не про птичек, про птицу. Улетит в небеса со своим «Криком журавля», рассказывая о своем народе, который через годы и века несет свою тяжелую долю, теряя детей, мужей, вождей...

Песня странника

Степь кругом, говорят, где-то ест ее край,
Мой отец к ней все шел, не дошел.
Голь кругом, говорят, где-то есть вечный рай,
Я полжизни прошел, не нашел.

Степь кругом, говорят, где-то есть ее край,
Вечный ворон летел, но стал стар.
Боль кругом, говорят, где-то есть вечный рай,
Только видно, мой день не настал...

Вечный Алтай

Звонко звякают стремена,
Кони сами торопят нас.
Называют священным тебя,
У тебя мы гостями сейчас.

Не спеша проплывают века.
И появится каждый в свой час.
А Алтай поглядит свысока:
Было. Будет. До вас. После вас...

Доля женская

С собою рядом дочь я посажу,
О горькой женской доле расскажу.
О том, какой красивою была,
О том, как рано замуж я ушла.

О том, как я работала с утра и до утра,
О том, как убивали нас другие племена,
О том, как из семьи я выжила одна,
Под сердцем дочь еще со мной была...

А сколько слез я в жизни пролила.
А за ночь голову покрыла седина...
С собою рядом дочь я посажу,
О женской доле... ничего я не скажу.

Колыбельная

Нет нежнее тебя на свете,
Красивее на свете нет.
Пухлых пальцев на ручках этих
Нет прекрасней, нежнее нет.

Вкусный запах твой я вдыхаю,
Над тобой я ночами стою.
Как ребенок, с тобой я играю,
Колыбельную песню пою.

Подрастай поскорее, сыночек.
Наша с папой надежда растет.
А пока лишь бессонные ночи,
Пусть счастливая жизнь тебя ждет.

Ночной плач

Гроза. Сверкают молнии
Уже который час.
В аиле кто-то молится,
И слышен детский плач.

Война плюется стрелами.
В истошном крике мать:
Стрела пронзила детскую
С ребеночком кровать...

Журавлиный крик

Высоко-высоко в небе птица кружит,
Крик пронзительный, жуткий, усталый.
Но в ответ ничего. Только ветер шумит.
Птица эта отстала от стаи...

Орой

Ты протягиваешь руки мне, но поздно.
Говоришь слова вчерашние, но поздно.
Ты простил меня за все, но поздно,
Ты пришел ко мне. Но очень, очень поздно.

Чакылар

Коновязи, вы веками наблюдали:
Проходили люди, годы в дали.
Ждать мужей и жены уставали,
Только коновязи ждали, ждали, ждали...

Беру в руки следующий осколок. Острый, скорее, порежусь. Про повара рассказ. Принял парня на работу, а он повара убил. Женщину. Ночами не спишь, думаешь. Правильно ли поступил, почему принял, если бы не принял, то... Где она, эта черточка, чтобы можно было сказать – дальше опасно. В жизни нет указателей, наподобие дорожных: здесь поворот крутой, здесь камнепад, а прямо – вообще дороги нет. Иногда кажется, правильно делаешь, хорошо, помогаешь. А выходит плохо, или трагедия, как тогда. Кто подскажет. И второй случай. Утром отправляешь двух рабочих лес валить, а вечером едешь за трупом одного из них. Один бензопилой деревья валил, другой помогал. Когда бензин был на исходе, первый отправил второго за бензином. Когда бензопила заглохла, он, не дождавшись напарника, пошел искать. А он под деревом лежит, уже мертвый. Забрал канистру с бензином и возвращался. Но и что, что бумаги в порядке, инструктажи проведены, человека-то нет. Сколько угодно можно рассуждать, что нет твоей вины. Но на работу то ты его отправил. Если бы не отправил... Кто мне все объяснит? Ночью проснешься, не можешь заснуть. Если не виноват, почему ночью вскакиваешь, и боль не утихает годами? Люди живут, потом умирают. Нормально. Но если в том, что не стало человека, есть и твоя вина, хоть и косвенная? А у каждого человека семья, родные... Как в жизни все сложно.

Два осколка беру в руки. Один маленький, листок блокнотный, на одной странице четверостишие.

Жить – не значит, стремиться в начальство,
Жить - не значит, купить машину.
Это значит, убить в себе чванство
И стремиться к чистой вершине.

Тоже из школьных лет. Чистые, прозрачные слова. И беззащитные. Они разбиваются о нынешние реалии, как красивые мыльные пузыри.

На другой странице стихотворение. Люди моего поколения иногда спорят, когда бы они хотели пожить. В советское, или, непонятно какое, сегодняшнее, время. В каждом времени и плюсы, и минусы. Где-то чего-то больше, чего-то меньше. Каждый что-то выбирает.

А я ничего бы не выбрал. Ни то, ни другое. Была бы такая возможность, я бы хотел вернуться, хоть ненадолго, в то время, когда

Нам было семнадцать

Все будет. И старость...
В чем трудно признаться,
Но все-таки вспомню:
Нам было семнадцать.

Влюблялись. Любили.
И самую малость
Нам в жизни хватало:
Нам было семнадцать.

Нам будет, казалось
Судьба улыбаться,
Что нам все подвластно,
Нам было семнадцать.

И будь там, что будет,
И годы промчатся.
И все же, и все же
Нам было семнадцать.

А на втором осколке – тоже стихотворение. Написано давно, в далеком 1975 году, в девятом классе. Вроде бы тоже избитые, знакомые слова. Но на этом все и держится. Любовь к детям, супруге, родственникам, к родной земле, где родился и жил... Не будет этого чувства, наверно, не будет и нас. Это вечная тема. Так и называется это стихотворение.

На этом и закончу, оставлю в покое остальные осколки. А то кто его знает, что там, в следующем...

Вечная тема

Любить, –
    Это значит, – гореть
Пламенем ясным
    и ярким.

Это значит,
    Землю нашу согреть
Любовью своею
    жаркой.

Любить, –
    Это значит, – не спать,
Не есть неделями
    кяду.
Это значит,
    и болеть, и страдать
Коль нету любимой
    рядом.

Любить –
    Это значит, искать
На снегу среди тысячей
    след
Любимой,
    Найдя его – целовать,
И пить растопившийся
    снег...

Любить –
    Это значит – людям
Лишь доброе делать.
    Подарком.
Это значит –
    серые будни
Переделявать в праздник
    яркий.

Любить –
    Это значит – уметь
Плохое всё сделать
    хорошим.
Это значит,
    гореть, но не тлеть,
Хотя, может, тлеть
    и проще...

СОДЕРЖАНИЕ

Чапай	6
Старый Ворон.....	12
Бабушка.....	16
«Андрюша».....	23
Мост Арсентия Санаа.....	26
Шляпа и калоши.....	33
Когда проснутся скалы.....	41
Встречи	45
Чулки	50
Журавли и ректоры	54
Москва.....	60
Сказки.....	62
Гений	64
Белое и черное.....	67
Чибилу – место, где много елей.....	70
Повар	78
Предатель.....	85
Рубашка.....	89
Звонки из Севера.....	94
Где вы, наши светлые года?	101
Осколки	105

Подписано в печать 00.02.2019 г. Формат 84x108¹/₃₂.
Печать офсетная.
Объем 8 п.л. Тираж 300 экз. Заказ 577.

Отпечатано в ООО «Горно-Алтайская типография»
649000, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 35